

Камеи для императрицы

Автор:

Алла Бегунова

Камеи для императрицы

Алла Игоревна Бегунова

Тайный агент Её Величества #1

В золотой век правления Екатерины Великой и дела вершились немалые. Князь Потемкин, фаворит императрицы, возглавил Департамент внешних сношений и развил бурную деятельность по укреплению южных границ Российской империи. Одной из стратегических задач являлось присоединение Крымского ханства, чтобы утвердиться россиянам на Черном море. Еще в 1765 году Екатерина издала указ о создании в Северном Причерноморье и Крыму разветвленной сети тайных агентов. В целях сбора сведений и подготовки мирных переговоров в Бахчисарай отправляется русское посольство, в состав которого Потемкин включает молодую женщину, вдову погибшего на войне офицера Аржанова, с тайным заданием расположить к себе хана Шахин-Гирея...

Алла Бегунова

Камеи для императрицы

© Бегунова А. И., 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2013

* * *

От автора

Имена некоторых персонажей этой книги хорошо известны: их биографии можно найти в энциклопедиях и даже в школьных учебниках. Другие – малоизвестны: они упоминаются только в специальных сборниках документов. Третьи – неизвестны совсем, и, таким образом, пришлось многое додумывать, рассказывая об их действиях в конкретных исторических ситуациях. Четвертые – просто вымышлены, но существование их вполне возможно, потому что дела в те далекие от нас времена складывались именно так, а не иначе.

Ничего не выдуманно в главном: после 1774 года Россия, победив Османскую империю в первой русско-турецкой войне, приобрела обширные территории в Северном Причерноморье и занялась их освоением. Кроме всего, она добилась независимости от Оттоманской Порты, давнего ее вассала – Крымского ханства. До присоединения Крыма к России оставалось девять лет.

Это была огромная работа. Ее проделали совместно русская армия, русская дипломатия и русская... разведка. Она весьма успешно противостояла турецкой резидентуре, которая орудовала на полуострове, как у себя дома. Успехи были предопределены императрицей Екатериной II, потому что она всегда уделяла службе внешней разведки неослабное внимание. Так, еще в 1765 году царица издала указ о создании в Крыму и в Северном Причерноморье целой сети секретных агентов, или «конфидентов», как их тогда называли. Вот имена некоторых из них: надворный советник Петр Веселитский, ставший впоследствии полномочным представителем России при ханском дворе; майор Никифоров, под видом купца совершавший поездки в Крым; переводчик хана Селим-Гирея крымский татарин Якуб-ага.

Однако архивных материалов, рассказывающих об этой работе, сохранилось мало. Ведь иногда их уничтожали совершенно целенаправленно. Крайне редко попадаются и мемуары самих сотрудников секретных канцелярий. К таковым можно отнести публикацию в «Русском архиве» в 1994 году (том 1, с. 13–24) записок некоей Анны де Пальмье.

Судя по ним, она была внебрачным ребенком статс-секретаря Екатерины II Елагина и еще в молодости стала тайным агентом царицы. Затем выполняла конфиденциальные поручения при Павле I. Закончила она свои дни владелицей

закрытой школы-пансионата, где углубленно изучались иностранные языки...

За 34 года екатерининского царствования наши предки совершили немало блестящих деяний. Эти деяния сейчас могут найти особый отклик в сердце россиянина, ставшего свидетелем распада огромного государства, к созданию которого великая царица приложила столько усилий. Надо лишь обратиться к нашему славному прошлому. В нем тысячи и тысячи страниц, и многие из них до сих пор не прочитаны.

Глава первая

Светлейший князь Потемкин

За окном сгущались сумерки. Губернатор Новороссийской и Азовской губерний, вице-президент военной коллегии, командующий всей иррегулярной конницей, генерал-аншеф и многих орденов кавалер Светлейший князь Григорий Александрович Потемкин в приемную сегодня не вышел. Посетители разошлись. Остался только управитель канцелярии Светлейшего коллежский советник Турчанинов. Еще здесь томились два молодых адъютанта. Поскрипывая лакированными офицерскими ботфортами, они о чем-то шептались. Турчанинов уловил женское имя:

– ... кажется, зовут Анастасией.

– Ты видел ее здесь раньше?

– Один раз.

– И какова?

– C'est tres belle jeune femme.Tres belle...[1 - Это очень красивая молодая женщина. Очень красивая... (фр.)]

Никогда не привыкнуть ему к долгой осени на Тавриде. Она переменчива, как прожженная куртизанка. Утром Светлейший выходит, улыбаясь яркому

солнцу. Вечером возвращается, едва удерживаясь на ногах от бешеных порывов ветра. Ураган засыпает строения любезного его сердцу Херсона серым колючим песком. На родной Смоленщине в это время тихо падает первый снег. А Санкт-Петербург, город его счастья и успеха, стоит, окутанный туманами и дождями. Но надобно быть здесь, на окраине империи. Так они решили с его великодушной царицей. Только ему она доверила это. Следить за турками и крымскими татарами. Закладывать в диком краю города, крепости, морские верфи. Строить корабли для будущего Черноморского флота. Сбирать, вооружать и обучать новые полки.

Никогда не жаловался он своей государыне на трудности здешнего бытия. Никогда не гнал прочь толпу прихлебателей, заполнявших залы его дворца-новостройки. Некому здесь открыть сердце и душу. Некого попросить о поддержке. Забвение может прийти только ночью. Но для этого нужна женщина. Красивая, совершенно бесстыдная, страстная и неутешная.

Светлейший перевел тяжелый взгляд от окна, закрытого шторой, на ее лицо. Что-то похожее на гордых прелестниц его родного Смоленского края проступало в нем: правильный овал, тонкий прямой нос, пухлые губы. В венах этих женщин текла кровь поляков, русских и смолян, издревле населявших непроходимые леса. Может быть, от лесного сумрака кожа ее была не белой и не смуглой, а какой-то матовой, как бы сияющей в полутьме спальни. Густые светло-каштановые волосы, немного вьющиеся, казались легкими, точно облако. Ее глаза серо-стального цвета поразили его вчера своей глубиной и прозрачностью.

После утомительной поездки на Лиман он зачем-то отправился к Михаилу Леонтьевичу Фалееву. Старый его приятель, очень богатый купец, поставщик армии и флота Ее Величества, удостоенный за труды чина премьер-майора, Фалеев здесь, в Херсоне, взял подряд на строительство Адмиралтейства. Первым приехав на новое место, он купил и быстро реконструировал большой старый дом на берегу Днепра. Теперь в его уютном зале часто собирались офицеры гарнизона и чиновники городской управы на домашние вечера с музыкой, танцами и приличествующим случаю угощением.

Светлейший вошел, когда подобный вечер только начинался. Приняли его без церемоний, просто и дружески, как он это любил. Ее князь увидел сразу. Трудно было не заметить новое лицо среди прочих, давно знаковых. Фалеев

представил ему молодую красивую женщину в платье цвета изумруда: Анастасия Петровна Аржанова, вдова подполковника Ширванского пехотного полка. Губернатор Новороссийской и Азовской губерний немедленно пригласил ее на менуэт. Она танцевала прекрасно. Потом последовал медленный контрданс, и под конец вечера – задорный, шумный гротеск. А дальше он действовал, как обычно, и вдова не устояла перед напором генерал-аншефа и правителя обширнейших земель.

Когда Светлейший вез красавицу к себе, то уже ощущал холод, змеей заползающий в сердце, признак давней его болезни, которую он называл «хандра». Однако женщина не обманула его ожиданий. Она предложила ему весьма необычную чувственную игру и в постели действовала весьма умело. Поначалу он вяло следовал ее изысканным капризам, но затем увлекся. Соитие пришло, как добыча после долгой охоты. В тот миг, почти до крови закусив губу, она застонала, и князь, не сводивший взгляда с ее прекрасного лица, вдруг понял, что ей больно. Однако, преодолевая боль, она приняла его в свое лоно. Разумеется, вдова не была девственницей, но некую преграду он как будто бы преодолевал. Возможно, оттого испытал острое, ни с чем не сравнимое наслаждение...

В спальне было тепло от заранее хорошо протопленной русской печи. Поэтому он попросил ее не надевать рубашку и сам заботливо укрыл одеялом. Теперь же сбросил его и смотрел на молодое обнаженное тело. В угловатых ее плечах, узких бедрах, длинных ногах с тонкими лодыжками и всей фигуре, вовсе не имеющей особо пышных форм, чудилось ему нечто мальчишеское, но необыкновенно притягательное.

Красавица, вздохнув во сне, повернулась к Потемкину спиной, сжала кулачки у подбородка и притянула колени к груди. Наверное, ей стало холодно. Раздумывая над загадкой этой женщины, князь провел ладонью по спутанным волосам, лежащим на спине, погладил ее плечи и дотронулся рукой до левой груди, острой, твердой и прохладной, как речной камушек, обкатанный водой.

– Пожалуйста, – сонно пробормотала она, уклоняясь от его ласки. – Пожалуйста, не надо... Сейчас не надо...

Но он хотел, чтобы его гостя проснулась. Он был готов еще раз пережить это приключение. Он снова желал ее так же сильно, как в те полночные часы. Он нисколько не сомневался, что женщина уступит, ведь она так пылко обнимала его. Она ласкала его, и глаза ее туманились от страсти. Смирившись с болью, она отдалась ему и, значит, теперь принадлежала губернатору Новороссийской и Азовской губерний вместе с другими его завоеваниями полностью, безоговорочно и навечно.

Однако привычка властвовать над людьми не была ему присуща смолоду. Последний, шестой ребенок в небогатой семье отставного полковника, он жил в родовом сельце Чижово Духовщинского уезда Смоленской губернии до шести лет. Затем крестный, Григорий Иванович Кисловский, увез его в Москву – воспитывать вместе со своим сыном, учить на свои деньги, веря, что из смышленного мальчишки со временем выйдет толк.

На деньги другого благодетеля – архиепископа Крутицкого и Можайского Амросия – студент Московского университета Гриша Потемкин, отчисленный за лень и нехождение на лекции, уехал в 1760 году в Санкт-Петербург. Там, в лейб-гвардии Конном полку, первый его чин на действительной военной службе был невысок – вице-вахмистр, то есть унтер-офицер.

Повелевать и командовать научился Григорий Александрович много позже. Любовь к императрице преобразила его. Эта любовь не осталась безответной. Ради нее царица решилась на шаг поистине сверхординарный. В церкви Святого Сампсония Странноприимца, что на Выборгской стороне в Санкт-Петербурге, 8 июня 1774 года Ее Императорское Величество Самодержица Всероссийская Екатерина II тайно обвенчалась с дворянином Смоленской губернии Потемкиным, тридцати пяти лет от роду, генерал-адъютантом, генерал-аншефом, подполковником лейб-гвардии Преображенского полка, получившим все вышеназванные должности и чины за два предыдущих месяца.

До него такой чести много лет безрезультатно добивался Григорий Орлов, человек, подготовивший дворцовый переворот 1762 года, возведший Екатерину Алексеевну на престол. Красив, силен, отважен был Григорий Григорьевич. В одиночку он ходил на медведя с рогатиной, отлично командовал войсками на поле боя, мог подчинить своей воле дикую толпу, как это случилось в Москве во время чумного бунта, но вот государственным, политическим умом не обладал. Так что судьбу империи на двенадцатом году своего правления Екатерина вручила недоучившемуся богослову, бывшему гвардейцу

и кавалеристу Потемкину.

Потом в частной переписке она назвала смоленского дворянина своим лучшим учеником. Действительно, более трех лет он провел подле Екатерины Алексеевны, в царском дворце, и это были главные его университеты. Кроме знаний о функционировании российской государственной системы, он постепенно усвоил, что с хамами надо поступать по-хамски, с холопами – по-барски, с генералами – по-солдатски. Но в жизни случались и отступления от этого простого правила. Тогда он не сразу мог найти верный тон в отношениях и терялся, как школяр, не знающий урока и внезапно вызванный к доске.

Так и сейчас он ошибся. Грубо схватив красавицу за плечо, Светлейший хотел уложить ее на подушки и силой взять то, что она один раз отдала ему по собственной воле. Молодая женщина мгновенно стряхнула с себя сон. Со змеиной ловкостью она вывернулась из его объятий. Он даже не понял, как ей это удалось. Гневный взгляд серо-стальных глаз сверкнул в полумраке спальни, как молния, и остановил его:

– Нет, ваша светлость. Нет!

– Но почему? – растерянно спросил Потемкин.

Она уже стояла у окна, кутаясь в его шелковый халат и туго затягивая пояс на талии. Затем рукой отодвинула штору из тяжелого светло-голубого бархата. Последние лучи сентябрьского таврического солнца, уходящего за горизонт, проникли в комнату, но света прибавили мало. Молодая женщина обернулась к нему и совсем отчужденно попросила:

– Прикажете принести свечи.

– А который час?

– Не знаю.

Светлейший сделал вид, будто ищет свои часы в кармане только что надетого камзола. Их золотая цепочка струилась между его пальцами, однако сами часы

никак не находились. Исподтишка он разглядывал ее и думал, что надо попробовать снова. В тонком, обтягивающем ее гибкую фигуру халате, она была еще соблазнительней, еще желаннее для него. Князю потребовался всего один прыжок, чтобы достичь окна. Но ночная гостья его опередила.

Легко, как горная лань, взлетела она на подоконник, толкнула рукой створки. Они разошлись, и порыв холодного ветра ударил ему в лицо.

– Вы слишком настойчивы, сударь. – Она нахмурила брови. – Но я уйду из вашей клетки. Или вы думаете, я не прыгну? Вот, смотрите!

Она опасно склонилась над краем. Светлейший успел обнять ее за колени. Они вместе покатались по пушистому ковру. Он не отпускал ее, хотя и не делал попытки овладеть ею. Внезапно она нанесла ему удар кулаком в солнечное сплетение, короткий и не по-женски сильный. Потемкин устыдился: до чего он довел бедную женщину. Укорив себя за неподобающее поведение, князь решил сейчас же сдаться на милость победителя. Он покорно откинулся на спину, широко разбросал руки и закрыл единственный свой зрячий правый глаз.

Прошло несколько мгновений. Она смотрела на него и не двигалась. Потемкин притворялся дальше. Теперь ему стало интересно узнать, что начнет делать в его спальне вдова подполковника Аржанова. А вдруг будет она шуровать по ящикам комода, собирать его и свои вещи, пить из бутылки рейнское вино десятилетней выдержки?

Вскоре Светлейший почувствовал ее дыхание на щеке. Потом она припала к его мощной груди и долго слушала биение сердца. Узкая ладонь так же нежно, как ночью, коснулась его крутых мышц под рубашкой, потихоньку переместилась на живот, затем скользнула ниже, еще ниже...

– О, да вы – притворщик! – удивленно воскликнула она. – Когда же вы успокоитесь?

– С вами – никогда! – Он сел на ковер и притянул ее к себе.

Она слегка отстранялась:

– Но, ваше высокопревосходительство! Не очень-то вы тут...

– Душа моя, простите!

– А если не прощу?

– Я не хотел вас напугать. Ей-богу! Я думал, вы еще продлите эти бесподобные милости, от которых у меня голова кругом... Нижайше прошу прощения и взываю о снисхождении. Навеки ваш раб Григорий! – Он склонил свою косматую голову ей на колени.

– Запомните, раб Григорий... – Она усмехнулась. – Я всегда буду делать только то, что хочу.

– Уже запомнил, душа моя, – Светлейший взял ее руку и поцеловал раскрытую ладонь.

– Вы говорите правду?

– Клянусь честью офицера!

– Хорошо...

Она стала перебирать пальцами его каштановые волосы, спадающие ниже плеч. Светлейший замер. Анастасия глубоко вздохнула. Она хотела спросить его о самом главном, но стеснялась. Заговорила после долгой паузы, с трудом подбирая слова:

– Тогда скажите мне... Этой ночью... Этой ночью... Вы...

Он откачнулся в сторону и быстро взглянул ей в глаза.

В зрачках ее мерцали отсветы заката. Легкий румянец появился на щеках. Она все больше напоминала ему ту неистовую волшебницу, что несколько часов назад заставила его забыть о тысяче дел и растопила холод в уставшем сердце.

Князь осторожно раздвинул халат у нее на груди. Нежная темно-розовая кожа на сосках уже твердела, и они выступали на матовых прелестных холмиках, как бутоны невиданных цветов.

Он коснулся их губами по очереди благоговейно и нежно, будто бы были они хрустальными. Она прижала его голову к себе и попросила вдруг осевшим голосом:

– Не делай этого... По крайней мере сейчас...

При его высоком росте и богатырской силе Потемкину ничего не стоило подняться с пола, держа красавицу на руках. Она обвивала его шею руками и доверчиво прижималась к груди. Светлейший чмокнул Анастасию в щеку, словно она была маленькой девочкой.

– Ладно, – сказал он. – Ты останешься здесь. Я прошу, я умоляю тебя... А теперь мне нужен управитель моей канцелярии Турчанинов Петр Иванович...

От неожиданности адъютанты вскочили на ноги со страшным грохотом, не удержав в руках длинных своих палашей. Управитель канцелярии, уже отворявший входные двери, повернулся. Князь Потемкин сосредоточенно смотрел на него. На Светлейшем были кафтан, камзол, застегнутый почти на все пуговицы, новые из зеленого сукна кюлоты, присвоенные морским офицерам, башмаки, чулки, правильно подвязанные, волосы на голове – красиво расчесанные и даже – черная лента в косичке.

Более того, получалось, что он не выходил к людям только двое суток. Это было необычно для такого времени года. Турчанинов знал, что потемкинская «хандра» длится весной и осенью не менее шести-семи дней.

Управителю канцелярии было трудно исполнять свои обязанности в этот период. Князь с утра до вечера валялся на постели в одной рубашке, не умывался, не причесывался, не брился, ничего не ел, а только грыз печеную репу или яблоки. Важных генералов и представителей иностранных держав с орденскими лентами через плечо он принимал в халате и со спущенными чулками. Назойливых полковников выгонял прочь, швыряя в них домашними тапочками. Адъютантов посылал – и это глубокой осенью! – за свежей земляникой, а на документах, подаваемых ему Турчаниновым, ставил

невообразимые резолюции.

Коллежский советник Петр Иванович Турчанинов, человек наблюдательный, знал, что чаще всего «хандра» сваливается на Потемкина в определенных ситуациях. Например, после долгих и утомительных поездок по краю, его управлению вверенному; после встреч с командующим Украинской армией генерал-фельдмаршалом графом Петром Александровичем Румянцевым-Задунайским, великим полководцем и человеком совершенно вздорного нрава; после строгих писем императрицы из Санкт-Петербурга или каких-либо других непредвиденных неприятностей, отбирающих у Светлейшего слишком много сил. Свою апатию и опустошение он скрывал, запершись в спальне. Мало кто осмеливался разговаривать с ним в такие дни...

– Ваше высокопревосходительство! – Турчанинов почтительно поклонился князю и подал ему сафьяновую папку. – Документы к сегодняшнему докладу. Письмо государыни. Письмо генерал-поручика Суворова из Полтавы, донесение Мустафы Топчи-баши из Очакова, а также рапорты командиров полков Суздальского и Черниговского пехотных, Новотроицкого кирасирского...

– Послы от Шахин-Гирея прибыли? – перебил его Потемкин.

– Еще вчера, ваше высокопревосходительство.

– Отлично! – пробормотал Светлейший, быстро перелистывая одну за другой бумаги в папке. Донесение Мустафы Топчи-баши чем-то привлекло его внимание. Он прочитал его от начала и до конца и недоверчиво хмыкнул.

Турчанинов думал, что князь сейчас пригласит его в кабинет, чтобы получить разъяснения о перевооружении крепости Очаков, которое затеяли турки и о котором сообщал подробности двойной агент – турецкий артиллерийский офицер Мустафа Топчи-баши, служивший в очаковском гарнизоне. Однако Потемкин захлопнул папку, сунул ее под мышку, а управителю канцелярией протянул лист с одной-единственной строчкой, нацарапанной посередине: «Вдова подполковника Ширванского пехотного полка Аржанова Анастасия дочь Петрова».

– Я желаю, чтобы вы навели все возможные справки о сей персоне, – негромко сказал он.

– Слушаюсь, ваше высокопревосходительство! – Турчанинов тотчас спрятал бумагу во внутренний карман кафтана.

– А вы, поручик... – Потемкин повернулся к адъютанту в палевом кирасирском мундире. – Доставьте сюда моего давнего знакомого Микаса Попандопулоса. Да пусть захватит с собой все образцы товаров. Даю ему на сборы полтора часа...

Ужин им подали прямо в спальню. Нельзя сказать, что это было княжеское угощение. Узнав, что Светлейший не выходит в приемную, его шеф-повар француз загасил печь и отправился домой. Разжигать огонь и готовить на скорую руку пришлось двум его помощникам – молодым украинцам. Они отбили и поджарили четыре куска свиной корейки, сделали овощной салат, сдобрив его оливковым маслом. Кроме того, в большом количестве имелся белый хлеб.

Потемкин отпустил лакея и сам разлил по бокалам вино. Анастасия лишь пригубила напиток, князь выпил все сразу и откусил от краюхи большой кусок. Он чувствовал страшный голод. После такого любовного свидания ему хотелось есть, пить, двигаться, говорить, работать. Первым предметом, на который ему хотелось направить свою пробудившуюся энергию, была сероглазая красавица.

– Что привело вас в Херсон, душа моя? – Потемкин, прижав отбивную вилкой, стал деловито отрезать от нее кусок, но мясо поддавалось плохо, видимо, животное, попавшее к мяснику на кухне Светлейшего, прежде находилось в хорошей спортивной форме и имело поистине железные мышцы и стальные сухожилия.

– Одно важное дело. – Анастасия следила за усилиями собеседника.

– Дело?

– Да. Я подавала прошение Ее Величеству о назначении пенсии за погибшего мужа. Мне было отказано.

– Почему?

– Якобы в полку неправильно оформили документы и подвигу его нет свидетелей. Но это неправда. Свидетели есть.

– Откуда вы знаете? – Потемкин все же раскрыл отбивную.

– В тот злосчастный день 9 июня 1774 года я находилась вместе с мужем на поле боя. Правда, в схватке у шатра турецкого главнокомандующего я не участвовала. Но умер он у меня на руках.

– Вы говорите о сражении при Козлуджи?

– Совершенно верно.

– Значит, вы отправились в этот долгий поход вместе с мужем? Вы так сильно любили его? Вы не могли с ним расстаться? – Потемкин пристально смотрел на ночную гостью. Она все больше интриговала князя. Он не сомневался, что разгадает ее загадку.

Анастасия не ответила, сделав вид, будто занята салатом. При обязательном светском разговоре она, не колеблясь, произнесла бы решительное «Да!», и это соответствовало бы истине, во всяком случае – одной ее стороне. Но минуты восхитительной близости, которые она пережила совсем недавно со Светлейшим, произвели в ее душе какое-то удивительное действие. Лгать ему она не хотела. Говорить правду боялась.

Она думала, что не стоит рассказывать князю о чувствах, охвативших ее, когда он вошел в гостиную Фалеева. Одетый в парадный генерал-аншефский кафтан, почти сплошь расшитый золотом, возвышающийся над толпой на целую голову, он улыбался, как победитель, взгляды гостей обратились к нему с восхищением, но без подобоострастия. Все это напоминало появление солнца на сером, туманном небосклоне. Действительно, от него исходили энергия и какая-то необычная сила. Она попала в этот лучезарный поток и повернулась к нему, как цветок к дневному свету, поднимающемуся в зенит.

Однако в спальне, сняв сияющий золотой кафтан, Потемкин вдруг изменился. Он предстал перед ней больным, слабым, измученным донельзя человеком.

Его лицо точно покрылось пеплом, а голос с каждым словом утрачивал свою былую мощь. Опустившись на колени, губернатор Новороссийской и Азовской губерний прижался лбом к ее животу. «Полюби меня!» – взмолился он. Но она уже его любила. Прежде Анастасия считала любовь с первого взгляда страшной глупостью, досужей выдумкой поэтов и романистов. Но все, что она совершила потом, можно было объяснить только этим странным, нелепым состоянием.

Теперь он задал вопрос о муже. Еще меньше ей хотелось говорить о своем браке с подполковником Ширванского пехотного полка Андреем Александровичем Аржановым.

У слова «любовь» есть много смыслов и оттенков. До сего дня она знала один. Нынче ослепительный мир чувственных наслаждений открылся перед ней, и сделал это он, Светлейший князь Потемкин. Он стал вторым по счету ее сексуальным партнером. Ведь никого, кроме мужа, она не знала.

И воздержание длилось шесть лет. Но мог ли он, блестящий покоритель женских сердец, поверить в это? Конечно, нет. Потому она предпочла молча вытерпеть его первые ласки. А что касается особых приемов воздействия на мужчин в постели, то про них она прочитала в одной французской книжке, некогда подаренной ей супругом...

Предавшись своим мыслям, Анастасия забыла о князе, сидевшем за столом напротив нее и не спускавшим с нее внимательного взгляда. Никакое его дело не стало бы успешным, не научись он понимать людей так, как понимала их его августейшая супруга и наставница Екатерина Великая.

– Не любовь вела вас за мужем, – вдруг сказал Потемкин, обращаясь к Анастасии. – Тут была лишь супружеская обязанность. Долг, освященный церковью, не более того.

– Может быть... – Она помедлила и все-таки решила ответить ему точнее, подробнее. – Но, право, это – очень скучная, банальная история. Бедная девушка по рекомендации своих родных вышла замуж за человека, годящегося ей в отцы, совсем небогатого, но весьма достойного...

– И постаралась его полюбить! – закончил он.

Она печально улыбнулась.

– Вижу, вы все знаете.

– Догадаться немудрено. А как подполковник Аржанов относился к вам?

– Хорошо, – безучастно ответила она.

– То есть не бил, не унижал, не попрекал куском хлеба?

– Ни в коем случае. Хотя его надежды я не оправдала.

– Каких надежд? – заинтересовался Потемкин.

– Он хотел наследника. – Анастасия вздохнула. – Он был последним представителем рода Аржановых по мужской линии и мечтал о сыне. Но с ребенком ничего у нас не получилось. Так этот род прервался...

– Чтобы у вас да ничего не получилось? Не верю! – Потемкин громко расхохотался и, блеснув единственным глазом, поцеловал Анастасии руку. – А сам-то подполковник что-нибудь делал для этого?

– Я не желаю обсуждать подобную тему, ваша светлость! – Она вспыхнула и отняла руку.

– Не обижайтесь, душа моя. Я должен знать.

– Зачем? – искренне удивилась Анастасия.

– Затем, что вы мне нравитесь. Не хочу, как господин Аржанов, огорчать вас.

– Мой муж не огорчал меня. – Она встала из-за стола. – Ужин был превосходный, ваша светлость. Спасибо! Но мне пора домой. Время позднее.

– Оставайтесь... – Потемкин снова взял ее за руку. – Предстоит деловая встреча...

– Тем более, надо ехать.

– Но я вызвал этого человека для вас...

Тихий стук в дверь прервал их разговор. Князь сказал: «Войдите!» На пороге появился его адъютант поручик Новотроицкого кирасирского полка князь Мещерский. Он доложил, что купец Попандопулос с двумя приказчиками ожидает аудиенции.

– Проси! – коротко приказал Светлейший, не обращая внимания на знаки, которые делала ему Анастасия.

Маленький толстый человек, живой, как ртуть, не вошел, а прямо-таки вкатился в комнату. Он остановился посредине и отвесил поклон князю. Затем взглянул на Анастасию с некоторым удивлением, но тотчас склонился перед ней еще ниже.

– Стлафстфуйте, фаша сфетлость! Микас Попандопулос фсегта тушефно лат услужить такому феликому фельможе... – Выговор его был просто невероятным. Вместо буквы «в» он говорил «ф», вместо «р» – «л», вместо «д» – «т» и вместо «з» – «с». Потому русская его речь иногда напоминала курлыкание птицы. – Фесь мой склат к услугам его фисокофо... фисокопле... тигель... фстфа!

С третьего захода грек все же преодолел этот барьер и закончил фразу бодро:

– Английский сукно? Китайский шелк? Испанский балхат? А может быть, лучше фсего тулецкий палтча?..

Пока купец говорил, его приказчики действовали. Они доставали из огромных баулов и раскатывали на стульях, на полу, на неприбранной кровати отрезки различных тканей. В неяром свете канделябров сверкала и переливалась цветами радуги тяжелая парча. Прозрачный китайский шелк спускался со спинки стула подобно облаку. Зеленое английское сукно, из коего следовало шить мундиры русской гвардии, прикрыв смятые простыни и подушки на кровати, сразу сделало ее царским ложем.

– Ou'est-ce que vous a pense? – нервно спросила Анастасия у князя.

– Nouveau robe pur vous, – сказал Светлейший.

– Je ne voux pas...

– Mais c'est mon present[2 - – Что это вы задумали?– Новое платье для вас.– Я не хочу...– Но это мой подарок (фр.).].

Между тем Микас Попандопулос не замолкал ни на минуту. На своем птичьем языке он рассказывал о товарах всевозможные небылицы: какие они красивые, прочные, удобные, кто из генералов, а также их жен, дочерей и сыновей уже купил такие ткани, что пошил из них и где их в этой одежде теперь можно увидеть. Грек быстро двигался по спальне, беря в руки самые лучшие образцы. Время от времени купец бросал выразительные взгляды на Анастасию. Потемкин, поймав один из них, удивился:

– Connaissez-vous cet homme?

– Il a propose me propositon indecent[3 - – Вы знаете этого человека?– Он сделал мне неприличное предложение... (фр.).]...

Много бы отдал предприимчивый коммерсант, чтобы понять разговор своих клиентов. Само собой разумеется, ему хотелось продать губернатору Новороссийской и Азовской губерний парчу или шелк по бешеной цене. Он понимал, что в присутствии прекрасной дамы князь не станет торговаться.

С другой стороны, вызов во дворец в неурочное время, доступ в спальню, где Светлейший находился не один, служили проявлением большого доверия, особых, конфиденциальных отношений между знатным вельможей и владельцем нового магазина в Херсоне. В этом случае Попандопулос полагал, что должен уступить. Но сколько и при покупке какого товара?..

Конфиденциальными их отношения стали довольно давно. Поддавшись обаянию Потемкина, а также прельстившись значительным денежным вознаграждением, крымский грек Микас Попандопулос в марте 1777 года дал согласие стать конфиденстом русской разведки на полуострове. Он рисковал. Вместе с тем идея объединения под эгидой России всех христиан, страдавших от мусульманского насилия, была ему близка. Русские победили османов в долгой войне. Теперь не только Попандопулос, но и многие другие его единоверцы надеялись,

что северный колосс сведет окончательные счета с одряхлевшей империей. Тогда турки уберутся за Черное море, туда, откуда явились на полуостров триста лет назад, потеснив древних его обитателей: греков, готов, аланов. А дружить с победителями – вообще весьма выгодное дело.

Сначала ему давали простые поручения, связанные с его работой. Семья Попандопулосов владела лавками и складами мануфактуры в разных местах Крыма: в Кафе, Карасу-Базаре, Бахчи-сарая, Гёзлөве[4 - Современная Евпатория.], Балаклаве, Алуште, Ялте. Микасу приходилось много времени проводить в разъездах. Русские особенно интересовались его передвижениями вдоль береговой линии, опасаясь высадки турецкого десанта и подготовки плацдарма для него, которую могли провести диверсионные группы турок или татар в Крыму. Он должен был примечать все изменения в прибрежной местности и на дорогах, встречаясь при этом с нужными людьми и передавая им письма и деньги.

Среди деловых партнеров греческой фирмы находилось немало представителей разных крымских этнических групп: татары, караимы, армяне, евреи. Микас неплохо знал тюрко-татарский язык, на котором они все говорили. Его веселый нрав, общительность, умение быстро наладить контакт с собеседником помогали ему собирать информацию другого рода: о внутренней жизни этих общин, о настроениях там, о действиях чиновников ханской администрации и крупных феодалов, от которых на самом деле многое зависело в крымско-татарском государстве.

Но «звездный час» Попандопулоса наступил несколько позднее. Светлейший князь задумал грандиозную внешне-политическую операцию с целью ослабить экономику ханства и еще крепче привязать его к России. Речь шла о переселении на берега русского Азовского моря крымских христиан: греков и армян. Многие из них были людьми зажиточными, даже богатыми. Они платили хану огромные налоги. Эти деньги составляли значительную часть от всех поступлений в казну государства. Теперь Потемкин решил отнять у татар эти средства.

Первые встречи с представителями греческой и армянской общин состоялись в марте 1778 года. Стало ясно, что русские взялись за дело большой трудности. Предстояло уговорить тысячи людей покинуть родные места и перебраться на жительство в другую страну. Тут Микас и начал действовать по собственному плану, напористо и энергично.

Прежде всего он заручился поддержкой своего отца. Шестидесятилетний Костас Попандопулос уже отошел от управления делами фирмы, но в кругах греческих коммерсантов по-прежнему пользовался непререкаемым авторитетом. Далее им удалось склонить к непопулярному решению главу греческой церкви в Крыму преосвященного митрополита Игнатия и главу армянской церкви архимандрита Маргоса. При посредничестве Микаса почтенные святые отцы получили от русских немало: Игнатий – 6550 рублей, Маргос – 2820 рублей.

А на покупку нужных для сего путешествия карет, колясок, повозок, лошадей и конской упряжи им выдали дополнительно 2799 рублей[5 - Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, донесения. СПб., 1888, ч. II. с. 752-753.].

Когда о переезде в Россию заговорили священники в храмах, дело пошло успешнее. Но возникало еще множество проблем, и организаторы переселения решали их вместе со своим помощником, щедро платя за все. Например, за оставшиеся в Крыму сады грекам и армянам русские передали 4511 рублей. Также они заплатили за христиан их долги татарам – 204 рубля 45 копеек – и приобрели для них одежду, продукты и разные принадлежности для поездки на 1287 рублей 40 копеек. На подарки и угощение для духовных лиц и других «уважительных персон» ушло 3140 рублей 10 копеек.

Не менее важен был положительный пример, и Микас Попандопулос первым вывез с полуострова свою семью и многочисленных родственников. За ним последовали сотни греческих и армянских семей. Они двинулись в неблизкую и опасную дорогу под прикрытием батальонов Крымского корпуса генерал-поручика Суворова. Татары мешали им, как могли, но переселение состоялось, и в сентябре 1778 года Суворов отрапортовал главнокомандующему Украинской армией генерал-фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому, что вывод крымских христиан окончен, всего переехали в Азовскую губернию 31 038 человек. Операция обошлась Российскому государству в 130 тысяч рублей.

Переселенцам русская администрация предоставила небывалые льготы: на десять лет освободила их от уплаты налогов, от поставки рекрутов в армию, дала право свободно, без пошлины торговать, заводить фабрики и мастерские, заниматься промыслом рыбы. Получилось, что Микас Попандопулос, обещая своим единоверцам хорошую жизнь под скипетром Екатерины II, никого

не обманул. Имя его прогремело по всему Причерноморью. У него появилось множество друзей, как явных, так и тайных, из числа христиан, все еще обитавших в краях под мусульманским правлением.

Великая царица прислала греческому купцу бриллиантовый перстень. Светлейший князь, по достоинству оценив его способности, предложил Попандопулосу стать поставщиком штаб-квартиры губернатора Новороссийской и Азовской губерний в Херсоне и открыть большой магазин со складом. Часть денег для устройства торгового заведения купец получил от Светлейшего, поскольку секретная канцелярия Потемкина имела свой интерес в этом деле.

Теперь в Херсон коммивояжеры греческой фирмы везли ткани, кожу, ковры, ювелирные изделия, парфюмерию, табак, вино. Вместе с товарами столь же бесперебойно доставляли они и агентурные донесения со всего Причерноморья, иногда – из Стамбула и часто – из Крыма. Кто только не бывал у Микаса в его модном магазине, соединенном с кофейней! Самых важных посетителей хозяин приглашал в свой кабинет, и это ни у кого не вызывало подозрений.

Так же просто в его кабинет попала и Анастасия. Через день после приезда в Херсон она побывала в магазине, потому что он был самым известным в городе-новостройке. Товары ей понравились, но они стоили слишком дорого для нее. Второй раз она заглянула сюда, как в музей модных и красивых вещей: полюбоваться ими и помечтать о том времени, когда сможет приобрести что-нибудь из выставленных здесь предметов. Попандопулос случайно находился в торговом зале. Неравнодушный к женской красоте, он обратил внимание на новую покупательницу и завел с ней светский разговор.

Анастасия приняла его приглашение выпить чашечку кофе. В кабинете ничего особо предосудительного грек не совершил. Он лишь предложил молодой женщине взять понравившиеся ей товары в долг. Анастасия придерживалась золотого правила: жить надо только по собственным средствам – и делать долги не любила. Тогда Микас намекнул ей, что списание этого долга будет полностью зависеть от нее, вернее, от ее отношения к нему, владельцу этого заведения. Коммерсант думал, что посетительница, по-вдовьи носившая обручальное кольцо на левой руке и довольно скромно одетая, благосклонно воспримет такое предложение. Но ответ ее был дерзким, грубым, почти оскорбительным. Ах, если бы он знал тогда, что перед ним – новая фаворитка Светлейшего князя!..

Превращение спальни в магазин тканей позабавило губернатора Новороссийской и Азовской губерний. Довольный всем этим беспорядком, он вместе с купцом переходил от одного отреза к другому и рассуждал о качествах шерстяной и шелковой нити, способах ее плетения, о новой партии английского сукна, привезенной недавно в Херсон, и о ценах на продукцию прядильных фабрик, установившихся к осени этого года на причерноморских рынках. Анастасия с отсутствующим видом слушала их.

Наконец Светлейший сделал свой выбор. Он указал Попандопулосу на парчу с золотым рисунком и спросил, сколько нужно этого материала для вечернего платья. Грек достал складную деревянную мерку – аршин:

– Не менее тфатцати алшин, фаша сфетлость.

– Отмеряй!

– Псфольте маленький софет. Тля оттелки лучше фсего стесь бутет фот такой балхат. Это очень мотно сейчас...

– Хорошо, друг мой.

– А кто бутет шить, фаша сфетлость?

– Душа моя, есть ли у вас портной? – с улыбкой обратился Потемкин к Анастасии.

– Никаких портных в этом городе, ваше высокопревосходительство, я пока не имею! – сердито ответила она.

– Хотел бы лекоментофать холошую мастелскую, – тотчас встрял в разговор грек. – Она отклылась нетафно. Флателец – Алексантл Попантопулос...

– Это твой брат? – спросил Потемкин.

– Сталсый племянник.

– Отлично! Сейчас выпиши мне счет и отправь ткани своему родственнику. На примерку пусть пошлет за ее высокоблагородием госпожой подполковницей

Аржановой на улицу... – Князь запнулся и посмотрел на Анастасию вопросительно. – Что-то позабыл, душа моя, где вы теперь остановились.

– На улице Арсенальной, в доме майора Голощекова... – не сразу ответила она, несколько ошарашенная таким финалом первой интимной встречи со Светлейшим.

Глава вторая

Фрегат «Флора»

Тем временем управитель канцелярии губернатора Новороссийской и Азовской губерний коллежский советник Турчанинов сидел в своем кабинете за столом, расправив на нем бумагу, полученную от Потемкина. «Вдова подполковника Ширванского пехотного полка Аржанова Анастасия дочь Петрова», – перечитывал он ее снова и снова. Имя женщины ему ничего не говорило, но роль ее была очевидна. Князь находился в полном порядке, в здравом уме и трезвой памяти, это означало, что дела в обширном его наместничестве вновь пойдут своим чередом, а важнейшие переговоры с послами крымского хана состоятся вовремя и, даст Бог, принесут выгоду России. Приказ Светлейшего управитель канцелярии решил пока не выполнять. Забот и поручений у него хватало. Вдова же подполковника Аржанова могла наскучить Светлейшему еще быстрее, чем предыдущие его веселые подружки.

Турчанинов знал по крайней мере трех таких женщин. Их внешность, характер и манера поведения имели много общего. Оттого управитель канцелярии полагал, что хорошо изучил вкус своего патрона. Как ему казалось, Светлейшему нравились пышнотелые кареглазые брюнетки, вульгарные, говорливые и довольно-таки глупые. Новую пассию Потемкина он видел только один раз, на домашнем вечере у Михаила Леонтьевича Фалеева, и она была совсем не похожа на прежних любовниц князя. На этом вечере Потемкин станцевал с ней всего три танца, и вот она уже в его постели...

Но не этому удивлялся коллежский советник. Это было как раз в порядке вещей у Потемкина. Он удивлялся безмерной наивности женщин, легко соглашавшихся на роль фаворитки при таком непостоянном и переменчивом человеке, каким

являлся Светлейший. Только они входили во вкус, начинали всем распоряжаться, требовать к себе особого внимания, прибирать к рукам кухню, казну, канцелярию, как Потемкин безжалостно изгонял их. Делал он это подчас грубо и демонстративно. Но донос в Санкт-Петербург императрице, насколько было известно Турчанинову, написала лишь одна из них, да и то – по стервозности своего нрава.

Другие смирялись. Ведь, удаляя от себя, князь награждал их по-царски: деньги, драгоценности, разные привилегии. Так, муж последней его любовницы вне очереди был произведен в чин полковника и назначен на должность командира пехотного полка. Родители красавицы из Полтавской губернии получили в аренду на десять лет казенные лесные угодья. Не совсем обычную просьбу выставил вахмистр Изюмского гусарского полка, служивший в нем всего-то три с половиной года, но уже набравшийся нахальства, старший брат юной Катеньки Куриловой. Они с сестрой по происхождению принадлежали к обер-офицерским детям, но желали получить грамоту о потомственном дворянстве и, конечно, получили ее.

Госпоже Аржановой тоже что-то было нужно от князя, в этом Турчанинов не сомневался. Но он не увидел ее на следующий день в кабинете Светлейшего, а вечером – в большой гостиной его дворца-новостройки. Ее прислуга не стала шастать по коридорам княжеского жилища, как у себя дома. Ее родня не заявила к Турчанинову с кипой разнообразных прошений, из которых он мог бы узнать всю подноготную этих людей.

Вдова подполковника Ширванского полка осталась жить на той же скромной квартире, которую сняла на Арсенальной улице десять дней назад, по приезде в Херсон. Тем не менее Турчанинову донесли, что младший адъютант Светлейшего князь Мещерский ездил на Арсенальную в нанятом экипаже за этой женщиной. Первый раз любовники почти весь день провели довольно далеко от Херсона, на лесистом берегу Днепра, где был организован пикник. Еще два раза она приезжала с Мещерским поздно вечером прямо во дворец.

А вчера коллежский советник и вовсе растерялся. Потемкин вручил ему собственноручно написанный список участников торжественной и сугубо официальной церемонии спуска на воду фрегата «Флора», первого русского военного корабля, построенного на Черном море, и дипломатического обеда, следующего за спуском. Госпожа Аржанова фигурировала там среди таких важных и доверенных лиц князя, как камер-юнкер двора Ее Величества

и любимый племянник Светлейшего Александр Самойлов, давно ставший его ближайшим помощником; главный строитель города и верфи генерал-майор артиллерии Ганнибал; комендант крепости подполковник Соколов; инженер-полковник Герман, составитель генерального плана застройки Херсона; командиры двух пехотных полков – Орловского и Азовского, расквартированных около города, полковники Нефедов и Шалыгин; настоятель городского храма протоиерей Лука и, наконец, послы Шахин-Гирея: Али-Мехмет-мурза, исполняющий обязанности министра иностранных дел, мухарас, то есть член ханского Дивана, или совета, и молодой двоюродный брат крымского правителя Казы-Гирей со своими переводчиком и начальником полусотенного отряда охраны.

Дело принимало неожиданный оборот. Турчанинов подумал-подумал и сел писать письмо командиру Ширванского пехотного полка полковнику Бурнашову. Авантюристка просчиталась, назвав Потемкину эту воинскую часть. Командир полка Степан Данилович Бурнашов был «однокорытником» Турчанинова, то есть вместе с ним учился в Артиллерийском и Инженерном корпусе в Санкт-Петербурге. После окончания этого учебного заведения пути их разошлись. Снова встретились они лишь в годы первой русско-турецкой войны, в Крыму.

В корпусе Бурнашов никакими талантами не блистал. Потому служить его отправили в Ораниенбаум, в крепостную артиллерию. Но с началом боевых действий выпросился он в армию. Место для Бурнашова нашлось в Сивашском корпусе, и день начала крымской операции – 18 июля 1771 года – стал поворотом в его карьере. Во главе авангардного отряда в две тысячи егерей и гусар молодой секунд-майор перебрался через Генический залив на Арабатскую стрелку, подошел к татарской крепости Арабат и... через три дня взял ее штурмом, взойдя на крепостные стены впереди своих храбрых солдат.

Этот классический подвиг офицера оценили по достоинству. Орден Св. Георгия 4-й степени, именной рескрипт императрицы, следующий чин и должность комадира пехотного полка стали наградой двадцативосьмилетнему Степану Бурнашову. Но он не загордился. В штабе главнокомандующего Крымской армией генерал-поручика князя Долгорукова, где герою вручали высокую награду, он, увидев среди чиновников Турчанинова, первым подошел к нему. «Однокорытники» обнялись и потом провели вместе целый день. Юношеская дружба воскресла.

Теперь Ширванский полк состоял в 3-й дивизии, расквартированной в Правобережной Украине. Письмо должно было прийти быстро. Турчанинов написал Бурнашову о своем недавнем повышении в чине, о трудностях сбора урожая в его маленьком поместье в Белоруссии, о здоровье жены и детей. В конце сделал короткую приписку: «Знаком ли тебе подполковник Аржанов? Здесь говорят, что он служил в Ширванском полку, но погиб. Сделай милость, напиши ПОСКОРЕЕ и ВСЕ, что знаешь о нем самом и о его ближайших родственниках. Это нужно мне по службе...»

В настоящее время Светлейший князь Потемкин был безумно увлечен новым для него проектом – постройкой морского корабля. Он никогда не видел прежде, как строят корабли. Он хорошо знал армейскую службу, придворный обиход, работу разных бюрократических контор Российского государства, видел большие полевые сражения и сам участвовал в них. Ничто не могло сравниться по силе впечатлений с удивительной картиной возведения на стапелях крутобокого деревянного чудовища на толстом киле, с бортами, в изгибе устремляющимися вверх, с кормой, украшенной художественной резьбой, имеющей семь окон и узкий балкон.

Корабль занимал все мысли князя. Он говорил только о нем. Анастасия попросила отвезти ее на верфь. Ей тоже хотелось увидеть это чудо. Светлейший согласился. Но на верфь они попали в горячие предпусковые дни, когда работы на фрегате приобрели характер лихорадочный и невероятно напряженный.

Корабль был виден издалека. Рабочие облепляли его, как муравьи тушку небольшой черноморской рыбы-султанки, выброшенную на берег. Стук молотков и визжание пил разносились над верфью. Работы шли и внутри корабля и снаружи. Надводную часть его корпуса красили, подводную же часть покрывали специальной судовой мазью – вонючей грязно-белой смесью из серы, сала, свинцовых белил, рыбьего жира и растительных притинок. Этот состав помогал предохранять днище от гниения в морской воде.

Вначале они остановились под левым бортом фрегата, который отбрасывал на землю длинную ровную тень, и, задрав головы, посмотрели наверх. Прямо над ними качалась люлька с двумя малярами, одетыми в сермяжные куртки. Они обмакивали кисти в бадейку и слой за слоем накладывали на дерево густую, жирно блестящую на солнце масляную краску. Тот маляр, что был помоложе, загляделся на Анастасию, опустил кисть мимо бадейки и уронил ее на землю.

– Шкуру спущу! – погрозил кулаком ему корабельный мастер Иван Афанасьев.

Это был рослый, худой, как жердь, малоразговорчивый человек с натруженными руками работяги. Фрегат строил он, и, следовательно, ему же надлежало давать пояснения губернатору Новороссийской и Азовской губерний. Он мрачно водил по верфи Светлейшего князя, княжеского адъютанта в кирасирском мундире и молодую даму, чье присутствие здесь представлялось ему совершенно неуместным.

Афанасьев то и дело оглядывался на ее пышное платье и злорадно отмечал про себя, что за шелковый подол его легко цепляются стружки, а от капель краски, иногда срывающихся с кистей, спутница Потемкина загоразживается кружевным зонтиком на длинной ручке. Но все-таки она была красива и улыбалась очень мило именно корабельному мастеру. С усмешкой выслушал он сентенцию Анастасии о гении человечества, создавшем деревянную конструкцию, несущую на себе многопудовые орудия, высокие мачты, большие паруса и при том не тонущую в воде. Однако Светлейшему Афанасьев преподавал некий урок.

Дед его, замечательный инженер, лично знакомый с самодержцем всея Руси Петром Великим, его отец, его братья – все работали в Санкт-Петербургском Адмиралтействе, строили военные корабли. Пошел и он по этой стезе, самый младший из детей в семье. Учился по дедовым книгам и чертежам, в четырнадцать лет поступил в Адмиралтейство рабочим и постепенно поднимался по ступеням служебной лестницы.

Экзамен на звание корабельного мастера Афанасьев сдал давно. Но вакансии в Петербурге все не появлялась. Вдруг весной 1778 года предложили ему быть главным строителем судна, однако очень далеко, на верфи в устье Днепра. Там правительство намеревалось возводить в урочище у земляного укрепления Александр-шанц новый город под названием «Херсон», с крепостью и Адмиралтейством. Афанасьев согласился. В день оглашения царского указа о Херсоне, 25 июля 1778 года, он уже находился на месте, при закладке верфи.

Корабль заложили позже. Строить его решили по чертежам фрегата «Гермес», спущенного на воду в Санкт-Петербурге тремя годами раньше. В целях экономии и для ускорения дела проект чуть-чуть переработали. Херсонский фрегат стал короче, легче, с меньшим числом орудий. Афанасьев работал на «Гермесе» десятником и его особенности хорошо знал.

Однако расстояние от красиво вычерченных проекций и планов до настоящего корабля, что рос в степи, у кромки речного залива, было огромным. Очень тосковал Афанасьев и по родному городу. Особенно когда из степей начинал дуть на лиман свирепый осенний ветер. Пыль вставала, как облако. Тогда коренному петербуржцу и потомственному корабелу все вокруг казалось миражом: и фрегат, и верфь, и мастерские, недавно возведенные тут из песка и глины.

Афанасьев вспоминал, что живет он и работает в чужой стороне один-одинешенек.

Нет у него советчиков, нет у него знающих помощников. Ему и отвечать за все, если что случится. В такие минуты вновь назначенному главному строителю бывало очень страшно.

Внеурочный приезд Потемкина и присутствие молодой красивой женщины совсем выбили его из колеи. Афанасьев разговорился. Но говорить Иван Семенович мог только о своем фрегате. Многое наболело у него на сердце, и для очистки совести решил он посвятить высокое начальство в такие проблемы, о каких прежде Светлейший князь и слыхом не слыхивал.

Для затравки он повел Потемкина к носу фрегата, задранному вверх, и сказал, что дерево бушприта до конца не просушено и оттого в скором времени может обломиться, а лисель-индигет здесь вообще сделан из ольхи, хотя лучший материал для него – дуб.

Естественно, Светлейший ничего в этих объяснениях не понял, но изменился в лице. Его любимому детищу грозили какие-то напасти, а он и не подозревал о них. Афанасьев, довольный произведенным эффектом, предложил князю подняться на палубу корабля. Анастасия вместе с адъютантом Михаилом Мещерским осталась на стапеле.

Сначала они увидели Афанасьева и Светлейшего у фальшборта. Там корабельный мастер, показывая, как ненадежно прибит планширь, оторвал эту широкую деревянную рейку от основания с помощью молотка и долота. Затем собеседники мелькнули у шеста, заменяющего грот-мачту, и наконец появились на кормовом балконе, где главный строитель, пиная ногой резные балясины и заглядывая в глаза губернатору Новороссийской и Азовской

губерний, продолжал рассказывать что-то очень страшное.

Ожидание затягивалось. Князь Мещерский, как человек светский, первым нарушил молчание:

– Вам нравится корабль?

– Он красивый, – сказала Анастасия.

– Легко представить себе его плавание по морю, не так ли? А вы бы отправились в путешествие на фрегате?

– Конечно.

– Я читал ваше новое прошение о пенсии, которое теперь у Светлейшего. Неужели вы действительно были на поле боя?

– Конечно. Была.

– И не боялись?

– Тогда я не думала, что меня могут убить. Я хотела помочь мужу и его славным гренадерам...

Потемкин сошел с корабля мрачнее тучи. К тому же, взбираясь на главную палубу, он сильно ударился ногой о ступеньку трапа, которой не заметил из-за скудного освещения в трюме. Тут Афанасьев и подал ему свой рапорт о дополнительной закупке позолоты на четыреста пятьдесят рублей и семьдесят с половиной копеек.

– Отправьте в мою канцелярию, – сухо сказал Светлейший.

– Ваше высокопревосходительство! Сие никак невозможно. Позолота нужна нам завтра.

– О чем вы раньше думали?

– Позвольте, ведь я не знал, что будет торжественная церемония. Носовую фигуру только в один слой прошли, а украшения на корме даже и не красили.

Потемкин взял у адъютанта карандаш, черкнул на бумаге: «Разреш. Кн. Потемк.», – и сказал Афанасьеву:

– Если утопите фрегат, то пойдете в Сибирь. В кандалах.

На эти слова корабельный мастер не обратил никакого внимания. Он медленно перечитал рапорт и резолюцию на нем, затем свернул бумагу в трубку и засунул ее за обшлаг своего потертого форменного кафтана.

– Вы слышали? – спросил Потемкин.

– Никуда я не пойду! – довольно грубо ответил Светлейшему Афанасьев. – Этой посудине плавать лет двадцать.

– Так какого рожна... – заговорил князь в сильнейшем раздражении.

– Весьма приятно было познакомиться! – Корабельный мастер галантно поклонился Анастасии, потом повернулся к Потемкину. – Честь имею, ваше высокопревосходительство...

Он нахлобучил на голову треуголку и гордо пошел прочь. Каблуки его громко стучали по деревянному настилу, полы кафтана, явно ему широкого, развевались, косичка с черной лентой покачивалась на спине в такт шагам...

Ужин в тот день был сервирован в большой гостиной. За длинным овальным столом они сидели вдвоем. Лакеи бесшумно подавали блюда, разливали вино, меняли тарелки. Анастасия пыталась развлечь Светлейшего разговором. Он отвечал ей односложно. Понемногу она начинала понимать душу своего возлюбленного.

Страх мог подступить к этому могучему человеку неожиданно и сразу лишить его уверенности в себе, столь необходимой для дела. Подумаешь, какой-то там Афанасьев, корабельный мастер из Петербурга, знаток бушпритов, лисель-индигетов, планширей, деревянных бимсов, железных гаков, круглых транцев,

всяких прочих крамболов, книц, килей и других неведомых Потемкину предметов...

Молодой лакей, неловко повернувшись с подносом, уставленным креманками с мороженым, бокалами с оранжадом и вазочками с бисквитами, опрокинул один бокал прямо на рукав княжеского бархатного кафтана. Светлейший вздрогнул.

– Что ты наделал, скотина!!

– Простите, ваша светлость! – Лакей побледнел, как смерть, и стал поспешно затирать салфеткой оранжевое пятно на синем бархате княжеской одежды.

– Пошел вон!

Потемкин стукнул кулаком по столу, и вся посуда на нем со звоном подпрыгнула. Возможно, он ударил бы лакея. Возможно, опрокинул бы весь поднос на пол. Возможно, выбежал бы из комнаты со страшными ругательствами. Но Анастасия, встав из-за стола, положила руки ему на плечи.

– Сударыня!.. – прорычал он, смолк на минуту и потом добавил тихо: – Сегодня вы ночуете здесь...

Это днем мысли Потемкина об Анастасии были грубы и тяжелы, как камни. Он думал иногда, что, наверное, она – настоящая кокетка, коли умеет так распалать его. В то же время вдова подполковника Аржанова по своему облику и манере поведения вне спальни вовсе не походила на женщин подобного рода, а их он знал немало. Ночью, если Анастасия оставалась у него, никаких мыслей не возникало вообще. Она волновала его по-прежнему. Стоило ему увидеть ее прекрасное тело, почувствовать ее объятия, как он забывал обо всех своих логических построениях. Неостудимый жар охватывал его. Он точно падал в огромный костер, стонал и просил ее: «Давай! Давай же!»

Совсем не была она опытна в этом деле. Однако каждая ночь с ним давала ей такие незабываемые ощущения, что днем Анастасия невольно краснела, вспоминая о них. При свете солнца, в окружении других людей их страстные любовные игры казались ей предосудительными, аморальными, невозможными. «Больше никогда!» – говорила она себе. Но настаивало новое свидание. Она видела, как Потемкин рывком сдергивает с крутых плеч белую батистовую

рубаху и, обнаженный, подходит к ней. Она тут же забывала про дневные клятвы и в этом забвении счастливо жила до следующего рассвета.

Так пришло новое утро. Утомленная, она лежала рядом с ним на боку и разглядывала его орлиный профиль: высокий лоб, нос, крупные губы, тяжеловатый подбородок. Светлейший обнял ее, вздохнул и грустно улыбнулся.

– Что тревожит тебя? – спросила Анастасия.

– Послезавтра – трудный день.

– Фрегат?

– Я никогда еще не спускал на воду корабли.

– Все будет хорошо.

– Любая неудача, пусть самая маленькая, невероятно огорчит императрицу, – сказал Потемкин, и интонация его была какой-то необычной. Слово «императрица» он произнес с придыханием, точно рассказывал ей о близкой, но сверхъестественной силе.

Для нее это слово почти ничего не значило. Конечно, она знала, что сейчас на российском престоле находится Екатерина II, урожденная принцесса София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, супруга безвременно скончавшегося от желудочных колик императора Петра III. Однако, как выглядит царица, каким характером обладает, что может ей понравиться, а что – огорчить, об этом Анастасия не задумывалась. Екатерина Алексеевна существовала для нее только как символ государственной власти. Но сейчас она поняла, что Светлейший имеет в виду и самодержавную правительницу, и живого, хорошо знакомого ему человека.

– Хочешь, я буду с тобой? – спросила она.

– Да. Я уже решил это. Надень на праздник свое новое платье из парчи.

– Оно еще не готово.

– Тогда то, изумрудное, в котором ты была у Фалеева.

– Нельзя. Оно – вечернее.

– А если сверху турецкую шаль? – предложил князь.

– У меня нет турецкой шали, – спокойно сказала Анастасия. – Это слишком дорогая вещь.

– Дорогая?! – изумился Потемкин.

К ней он повернулся так быстро и резко, что она даже вскрикнула от неожиданности. Светлейший могучим телом прижал Анастасию к подушкам, крепко обхватил ее запястья.

– Почему ты ничего не просишь у меня? – сурово задал он вопрос и заглянул в ее светло-серые глаза. – Почему? Ничего и никогда... Что за глупость – турецкая шаль! Небоись, у Попандопулоса их штук сто, не менее. Возьми любую и счет отправь ко мне...

– Это абсолютно излишне, милый. – Анастасия так же прямо и без улыбки посмотрела на Светлейшего. – Я ведь уже попросила. Я подала тебе прошение. Мне нужна пенсия за мужа. А еще Бурнашов обещал императорский рескрипт о его подвиге...

Как бы ни чувствовал себя Потемкин, как бы ни был он занят, но, находясь в Херсоне, он всегда являлся на воскресную службу в городской собор. Вместе с ним там должны были находиться все чиновники его штаб-квартиры и городской управы...

Офицеры полков, расквартированных в городе, все инженеры и мастера Адмиралтейства, арсенала, оружейных мастерских, а также прочие должностные лица, женатые – обязательно с женами.

В храме яркие женские городские туалеты, шали и шляпки преобладали над скромными зелеными мундирами офицеров и чиновников, сообщая церковной службе настроение праздника. На вход в собор пригласительных билетов не требовалось. Караул солдат Орловского пехотного полка лишь провожал пристальными взглядами нарядно одетых прихожан.

Анастасия чуть не опоздала. А все из-за прихоти Светлейшего. Сопровождать ее должен был Михаил Мещерский. Он явился к ней с большим пакетом. В нем находилась роскошная темно-зеленая турецкая шаль с алыми розами на углах и густой бахромой по краям. Молодой офицер передал ей устно нижайшую просьбу губернатора Новороссийской и Азовской губерний: надеть в церковь изумрудное платье вместе с его маленьким скромным подарком. Пришлось срочно переодеваться...

Собор, весьма величественный снаружи, был мало украшен внутри. Но здесь хорошо пел церковный хор, о комплектовании которого князь позаботился лично. Настоятель собора молодой протоиерей Лука не так давно приехал из Санкт-Петербурга, но уже снискал известность как высокоученый клирик и превосходный оратор.

Наконец пышный кортеж губернатора Новороссийской и Азовской губерний остановился у собора. Солдаты быстро раздвинули толпу. Под перезвон колоколов Светлейший со своей свитой прошел прямо к алтарю. Воскресная служба началась.

Протоиерей Лука всегда тщательно готовился к воскресным проповедям. Он знал, что его главным слушателем будет князь Потемкин, человек, в богословии сведущий. В Московском университете Светлейший изучал богословие и за студенческую работу по этому предмету уже на первом курсе удостоился золотой медали. Кроме того, Лука был признателен губернатору за всемерную поддержку. Князь помог не только с церковным хором. Недавно он выделил большую сумму на наем бригады лучших, московских богомазов для росписи купола и стен собора. Потому сегодня, 10 сентября 1780 года, Лука решил посвятить проповедь Светлейшему. Для этого он избрал изречение из Иоилия, глава вторая, псалом 28-й, трактующий о сущности духа и плоти.

– Тихим сладостным чувством изливается любовь матери на прильнувшего к ее груди ребенка, а страстные чувства супруга – на горячо любимую им жену... – Лука начал проповедь негромким голосом. В храме, чья акустика была

замечательной, этот тихий голос слышали все, даже толпящиеся у самых дверей. – Что же это есть, как не духовная энергия любви? Бог есть дух. Бог есть любовь, и излияние Духа Его есть излияние любви на все живущее. Любовь творит. Бесконечным потоком духовной энергии Божественной любви создана наша вселенная...

Едва ли все присутствующие в храме понимали смысл ораторских приемов протоиерея. Но Лука и не стремился к этому. Он говорил и говорил, вовлекая слушателей в течение своей речи, как неопытных пловцов подхватывает и несет бурная река. Важно было подготовить финал проповеди, изложить его сильно и ясно.

– Так же и пастырь, одушевленный Богом, приходит в сей мир, дабы преобразовать все вокруг себя, – после краткой паузы возвысил голос священник. – Немногие скажут ему: «Восстань и твори все сущее!» Многие будут хулить деяния его, станут против него, аки псы рыкающие. Грянет гром. Разверзнутся хляби небесные потоками черных вод. Ураганы придут с четырех концов света поколебать строение его. Глупцы тому возрадуются. Но будет он один крепок и смел, ибо сказано в Писании: «Излию от духа Моего на всякую плоть!...»

Тишина в храме была такая, что казалось, будто две сотни собравшихся там людей перестали дышать и окаменели. Потемкин стер слезу со щеки. Сейчас молодой проповедник рассказал всем историю о нем самом. Рассказал образно, трактуя события как бы со стороны Господа Бога. Это было возвышенно и вместе с тем невероятно точно.

Служка в черной рясе приблизился к Потемкину с подносом для сбора пожертвований. Князь размашисто перекрестился и положил на поднос полную горсть червонцев. Звон монет разорвал тишину в храме. Люди зашевелились, зашептались. Светлейший повернулся и пошел к выходу.

Толпа расступилась перед ним. Офицеры и чиновники склонили головы. Дамы присели в глубоком реверансе. У правого притвора князь чуть замедлил шаг. Анастасия точно так же, как все другие, приветствовала его. Они обменялись короткими взглядами, и в этот миг все, кто шел в свите Потемкина, тоже посмотрели на нее.

Но ее лицо было задумчиво и печально. Она находилась под впечатлением проповеди. Она поняла ее сокровенный смысл.

Дорога от городского собора до верфи была недлинная. По пути к княжеской карете с эскортом из солдат Новотроицкого кирасирского полка, в котором Светлейший был шефом, присоединился живописный отряд восточных всадников в темно-синих кафтанах и цветных чалмах, навернутых на черные каракулевые татарские шапки. Они сопровождали послов хана Шахин-Гирея.

На единственном повороте этой дороги вся кавалькада замедлила движение. Потемкин, бросив взгляд в окно, за фигурами своих кирасир увидел близко экипаж с большими колесами и различил за занавеской профиль Али-Мехмет-мурзы, лучшего крымско-татарского дипломата, твердо выступавшего за сближение с Россией. Князь впервые познакомился с ним в июле 1777 года, когда Екатерина II принимала в Зимнем дворце ханских посланников. Екатерина Алексеевна выделила его среди прочих, назвав умным и здравомыслящим человеком, с которым можно вести плодотворные переговоры.

В Херсон Али-Мехмет-мурза приехал первый раз. Потемкин желал, чтобы он увидел все, сделанное русскими. Он даже пригласил бы его – если б такое допускал дипломатический протокол – в православную церковь, где сегодня говорилось о Божественной энергии, что одушевляет наших людей, собравшихся жить в южной, ковыльной, веками лежавшей не тронутой степи, во исполнение их предыдущих бесед увидел бы крымчанин в церкви не только суровые лица солдат, но много женщин и детей. Не воевать пришли сюда русские, а осваивать пустынные земли, прокладывать дороги, строить города и верфи, учить кочевников земледелию и садоводству.

Еще шесть лет назад, в июле 1774 года, при заключении Кучук-Кайнарджийского мирного договора с Османской империей, отдавшего России почти все Северное Причерноморье, здесь, на берегу Днепра, паслись только отары овец да скакали на своих низкорослых лошадках пастухи. Около трех столетий длилась власть над этим благодатным краем потомков воинов Чингисхана – крымских татар, – но ничего они в нем не изменили. Лишь в набегах своих грабили местные племена и уводили в рабство молодых мужчин и женщин.

Теперь посреди дикой степи, рядом со старым земляным укреплением Александр-шанц, рос город с Адмиралтейством, арсеналом, мастерскими,

крепостными сооружениями, улицами, площадями, парками. Впервые Светлейший князь приехал сюда в мае 1780 года. До его появления работы шли ни шатко ни валко. Но Потемкин придал им невероятное ускорение. Во-первых, он привез деньги – несколько миллионов рублей, выданных из казны на строительство города и крепости. Во-вторых, вместе с губернатором Новороссийской и Азовской губерний сюда прибыли примерно две тысячи рабочих разных специальностей: плотников, каменщиков, штукатуров, кровельщиков, кузнецов, корабельных мастеров. В-третьих, он начал переводить на квартирование в город-новостройку и его окрестности полки 4-й дивизии, и солдаты стали главной силой, занятой на тяжелых земляных и погрузочно-разгрузочных работах. К концу года здесь уже трудилось до семи тысяч человек.

В 1780 году была полностью построена деревянная набережная с торговой пристанью в 25 верстах от устья Днепра. Постепенно вырисовывались контуры крепости, имевшей форму параллелограмма и достигавшей в размерах 90 квадратных десятин, внутри ее тянулись вдоль реки десять кварталов, пересекаемых довольно просторными улицами в десять сажень шириной[6 - Чуть более 20 метров.]. Среди них выделялась средняя, перспектива которой с одной стороны замыкалась собором и площадью, с другой стороны – открывалась к заречным далям. Светлейший князь лично заложил два парка: один в городе, между крепостью и Греческим форштадтом, второй – на реке Веревчине, получивший название «Казенный сад»...

Народу у верфи собралось огромное количество. Всем хотелось посмотреть на главное событие дня – спуск на воду фрегата. Но территория уже была оцеплена войсками. Солдаты из Азовского и Орловского пехотных полков стояли в парадных зеленых мундирах с красными лацканами и держали на плечах ружья с примкнутыми штыками. У шлагбаума несли караул grenадеры в высоких шапках с медными налобниками. Но у Мещерского, сопровождавшего Анастасию, был специальный билет. Унтер-офицер с черными нафабранными усами, торчащими, как пики, отсалютовал ему алебардой. По этому знаку солдаты подняли шлагбаум и пропустили экипаж с молодой женщиной и ее спутником-кирасиром на широкий корабельный двор.

Теперь на верфи было тихо, вокруг стапелей все убрали, навели по земле разметку белой известью, за которую переходить запрещалось. Фрегат был не так уж и велик – всего 92 фута в длину[7 - Примерно 30 метров.], но классически пропорционален, его борта сияли свежей черной краской. По надводной части корпуса пролегла широкая белая полоса с красными

крышками открытых пушечных портов. Носовая фигура, изображавшая женщину с распущенными длинными волосами и обнаженной грудью, покрашенная в золотой цвет, была очень эффектна. На крамболах на носу корабля уже висело два якоря. Однако ни пушек, ни мачт с реями и бегучим такелажом еще не было.

Вместо мачт на палубе стояло три высоких флагштока, ветерок еле шевелил огромные полотнища флотских флагов. На первом – красный флаг с двумя крестами: белым прямым и наложенным на него косым голубым. На втором флагштоке – императорский корабельный штандарт: желтый с черным двуглавым орлом, держащим в когтях свитки морских карт. На третьем – белый флаг с перекрещенными голубыми якорями. Над кормой фрегата колыбался Андреевский стяг.

Сверкая начищенными трубами, прибыл оркестр Орловского пехотного полка. Затем появилось духовенство в парадных, блистающих золотом ризах. Протоиерей Лука начал молебен, потом обошел весь стапель, окропляя фрегат святой водой.

Решающая минута наступила. Потемкин поднялся на небольшую площадку, установленную у самого носа корабля. Ему подали ведро с бутылкой шампанского во льду. Князь поднял бутылку вверх.

– Согласно указу Ея Императорского Величества, – торжественно провозгласил он, – название оному фрегату дано «Флора», что есть имя прекраснейшей древнеримской богини. Посему я решил, что в путь по морям-океанам должна его отправить первая красавица здешних мест...

Светлейший выдержал длинную паузу, оглядывая толпу и как бы ища в ней кого-то, вдруг он указал рукой в сторону Анастасии:

– Например, вот эта милая дама! Вижу, что сходства с Флорой в ней есть немало!

Не успела Анастасия опомниться, как солдаты подхватили ее под руки и поставили на помост рядом с князем. Светлейший передал ей бутылку. Нос фрегата был совсем близко. Анастасия попала бутылкой прямо в форштевень. Зазвенели осколки, пятно белой пены расплзлось по дереву.

Больше всех этой минуты ждал Иван Афанасьев. В новом, ни разу не надеванном кафтане, в шляпе, в белых перчатках, корабельный мастер стоял у задержников вместе с двумя здоровенными мужиками, которые сжимали в руках топоры. Осколки бутылки осыпались на мостки стапеля, прямо им под ноги. Совершенно спокойно и даже нарочито медленно Афанасьев перекрестился, незаметно для других сплюнув три раза через левое плечо, и скомандовал диким голосом:

– Р-руби!

Мужики дружно опустили свои топоры на канаты, удерживавшие стапельные тележки. Корабль вздрогнул, как живой, и пополз по стапелю вниз. Оркестр грянул марш «Гром победы, раздавайся!», взвод солдат Азовского полка, построенный поодаль, произвел залп из ружей. Движение фрегата все убыстрялось. Наконец корма его вошла в воду, взметнув фонтаны брызг. «Флора» выпрямилась и остановилась, гордо покачиваясь на глади залива. Свежий приморский ветер ударил в полотнища флагов и развернул их во всю ширь, заигрывая с ними. Оттого почудилось всем, что черный двуглавый орел взмахнул своими крылами над желтым безмолвием татарской степи.

– Ура! – Потемкин сорвал с головы треуголку с пышным генеральским плюмажем.

– Ура! – подхватили зрители у стапеля, рабочие в армяках, солдаты и матросы в форменных кафтанах, зеваки, усеявшие забор, деревья за ним и крыши соседних домов.

Глава третья

Дипломатический обед

Анастасии казалось, что этот взгляд она ощущает сквозь ткань платья. Взгляды мужчины, думающего о ней сладострастно. Но кто это, она пока понять не могла. Напротив нее за столом сидели лишь послы крымского хана и их переводчик. Лица татар были непроницаемыми, а все внимание, казалось, сосредоточено на беседе со Светлейшим князем Потемкиным, которая

протекала очень живо. Переводчик, занятый своей работой, не успевал не только оглядываться по сторонам, но даже есть и пить.

Украдкой Анастасия все же рассматривала иностранцев. Али-Мехмет-мурза производил более приятное впечатление, чем его спутник Казы-Гирей. Холеное белое лицо мурзы со светло-кариими глазами, немного полноватое, обрамленное короткой бородой, окрашенной в рыжий цвет хной, излучало покой и уверенность. Казы-Гирей, родственник хана, молодой человек, лет 23–25, смуглый, с жидкими усами, спускающимися к подбородку, держался напряженно. Он сжимал в кулаке то вилку, то нож и иногда озирался вокруг, словно зверь, загнанный охотниками в клетку.

В связи со спуском корабля и приездом послов из Крыма губернатор Новороссийской и Азовской губерний замыслил грандиозный прием, на котором присутствовали не только высшие чины его администрации, но и начальники и инженеры с верфи. В большой гостиной с трудом разместили столы на пятьдесят человек. Их составили буквой «п», и верхняя, короткая часть этой «буквы» предназначалась исключительно для первых лиц.

С тех пор как солдаты поставили Анастасию рядом со Светлейшим у фрегата, она не выходила из круга почетных гостей.

Так устроил Потемкин. Спускаясь вниз с площадки, князь галантно предложил ей руку и проводил до своей кареты. Лакеям пришлось сначала посадить на ступеньку ее, а потом уже губернатора Новороссийской и Азовской губерний. В карете они ехали вдвоем, но недолго. От верфи до княжеского дворца было минут двадцать езды хорошим галопом.

Кучер гнал лошадей вскачь. С обеих сторон кареты, совсем близко к ней, иногда заглядывая в окна, скакали новотроицкие кирасиры в черных латах, с обнаженными палашами в руках. Стук копыт их могучих лошадей заглушал почти все звуки, и говорить было трудно. Возможно, потому любовники молчали. Анастасия, озадаченная всем происшедшим, размышляла. Князь смотрел в окно. Лишь когда карета развернулась у парадного входа его дворца, Потемкин поцеловал ей руку.

– Не бойтесь, душа моя. Все идет прекрасно.

Турецкую шаль и шляпу Анастасия отдала гардеробщице в дамской комнате. Тут во всей красе явилось ее платье из лионского шелка. Год назад его пошила портниха ее тетки, генеральши Шестаковой, и это, бесспорно, было одно из удачайших творений скромной крепостной мастерицы. Правда, образцом послужило платье, заказанное самой генеральшей в 1775 году в Санкт-Петербурге во французском ателье месье Дамьена.

Согласно моде того времени, туалет состоял из корсажа, юбки с фижмами и верхнего распашного платья, надеваемого на них. Особенно удался портнихе корсаж из шелка темно-изумрудного цвета. Обшитый лентами и кружевами, снабженный декоративной шнуровкой спереди и настоящей сзади, он так облегал и поддерживал грудь красавицы, что две прелестные выпуклости выступали из него совершенно округло.

Широкая юбка из изумрудного же шелка прикреплялась к корсажу при помощи потайных пуговиц и петель. Верхнее платье светло-изумрудного цвета имело на полах широкую палевую отделку и узкие рукава длиной до локтя, с тройными оборками из тюля, тоже палевого оттенка. Перчатки к платью были палевыми, веер – из слегка окрашенных в желтое страусовых перьев.

Среди гостей Светлейшего сегодня находились дамы, одетые гораздо богаче, чем Анастасия: в бархат и парчу, украшенные множеством драгоценностей. Их алмазные и жемчужные кольца, ожерелья, диадемы в волосах, броши, браслеты на руках и перстни сверкали, подобно бликам солнца. У Анастасии был лишь овальный кулон из позолоченного серебра с небольшим изумрудом посередине.

Но когда она вышла из дамской комнаты в просторный вестибюль, то стало ясно, что госпожа Аржанова затмевает всех своей природной грацией и красотой. Туалет, сделанный из не очень дорогих тканей, но с большим вкусом, замечательно оттенял ее нежную, матового оттенка кожу, серо-стальные глаза и светло-каштановые волосы, уложенные в высокую прическу и слегка напудренные. Потемкин тотчас пошел навстречу ей и подал руку, чтобы вести в большую гостиную к столу. Он улыбался, и Анастасия поняла, что ее возлюбленный чрезвычайно доволен.

Они вошли в зал последними, и все гости, уже собравшиеся там, сразу сели за столы. Лакеи принялись за свою работу: наливать в бокалы вино, раскладывать по тарелкам кушанья, приносить из кухни все новые и новые

блюда, дивно украшенные заморскими фруктами и овощами. Тихий гул голосов наполнил это помещение с высокими потолками и большими светлыми окнами.

Следует заметить, нет ничего скучнее протокольных дипломатических обедов. Люди садятся за стол не для того, чтобы насладиться искусством поваров или дарами природы, красиво разложенными на вазах. Между переменами блюд да и во время приема пищи они обсуждают разные проблемы. Таких сегодня было три. Губернатор Новороссийской и Азовской губерний беседовал со своими восточными гостями, во-первых, о нынешних отношениях между тремя черноморскими державами: Россией, Турцией и Крымским ханством, во-вторых, о формах и методах поддержки, оказываемой правительством Екатерины II Шахин-Гирею. Третья тема, ради которой послы, собственно говоря, и приехали в Херсон, относилась к финансам. После переселения христиан из Крыма хан стал испытывать серьезные затруднения с наполнением своей казны. Теперь он просил Потемкина хоть в какой-то степени компенсировать эти потери.

Ни малейшего касательства к жизни Анастасии эти темы не имели. Но она, сидя по левую руку от Светлейшего, поневоле очутилась в центре беседы и была вынуждена слушать всех ее участников. Насколько она могла понять, оба татарина говорили одно и то же. Упрямо и настырно они вели к одному: русские теперь должны, нет, просто обязаны предоставлять их Светлейшему хану больше финансовых средств. Потемкин же с ловкостью уходил от определенного ответа, и Анастасия видела, что это ему удастся безо всякого труда.

Он прекрасно ориентировался в исторических фактах, в документах, принятых правительствами обеих стран, в суждениях дипломатов и иных важных лиц, причастных к решению данного вопроса. Он говорил свободно и увлеченно. Его блестящая эрудиция, его полемические приемы завораживали. Анастасии открылась новая черта в характере возлюбленного, и теперь она слушала его, затаив дыхание.

Конечно, все дело было в турках.

Это они, сначала подписав мирный Кучук-Кайнарджийский договор, потом вознамерились аннулировать две его важнейшие статьи: о независимости крымско-татарского государства и о передаче России своих крепостей Керчь, Еникале, Кинбурн. Естественно, что русские им отказали. Но выступить против неверных открыто, вновь встретиться с ними на полях сражений османы уже

не решались. Они предпочли другую тактику и начали войну тайную, подпольную: с заговорами, мятежами, подкупам, шантажом, убийствами из-за угла.

В Стамбуле жили люди, отлично освоившие это ремесло. Они имели богатый опыт, накопленный в операциях подобного рода в Болгарии, Греции, Сербии, Египте, на Ионических островах. Султан Абдул-Гамид вполне доверял этим истинным воинам Аллаха, настоящим борцам за веру. Великий визирь Челеби-Мехмет-паша обеспечил им достойную материальную поддержку. Главный муфтий день и ночь молился за них в мечети Айя-София. Вроде бы турки все предусмотрели и все исполнили правильно. Только почему-то в Крыму у этих людей на сей раз ничего не вышло.

Например, хан Девлет-Гирей после продолжительной беседы с посланцем султана немедленно выразил желание перейти обратно под протекторат Османской империи. Однако даже не все мурахасы, то есть члены ханского Дивана, с ним согласились, не говоря уже о беях и мурзах. Не послушав никого, Девлет-Гирей собрал войско и пошел с ним к Перекопу, навстречу русским, весной 1777 года. В первом же столкновении крымские воины бросили своего повелителя и преспокойно разъехались по домам.

Зато спустя две недели, собравшись в Бахчи-сарая, они радостно приветствовали бывшего при Девлет-Гирее калга-султаном, или наследником престола, молодого Шахин-Гирея. Они сразу и единодушно избрали его новым ханом и принесли ему присягу как самодержцу, наделенному неограниченными правами. Россия тотчас признала Шахин-Гирея. Турция не сделала этого.

Султан послал к берегам полуострова многочисленный флот с морской пехотой. Русские, применив особую систему обороны, не допустили высадки османского десанта. Без единого выстрела они отстояли Крым, и заинтересованным наблюдателям в Европе прямо-таки нечего было сказать о нарушении неотъемлемых прав и свобод несчастных мусульман.

В октябре 1777 года профессионалы из Стамбула наконец доказали, что не даром едят свой хлеб: в Бахчи-сарая вспыхнул протурецкий мятеж. Но уничтожить Шахин-Гирея заговорщики не сумели, он ускользнул от них. Население, зная, что законно избранный хан жив, в массе своей к мятежу не присоединилось. Через три месяца зачинщики его бежали на кораблях к себе на родину.

Мир и покой восстановились в крымско-татарском государстве. Стахеев, посол России в Османской Порте, удвоил усилия, а также суммы, раздаваемые сановникам при дворе султана. Абдул-Гамид признал правительство Шахин-Гирея. Русский корпус был выведен из Крыма, но на всякий случай расположился недалеко. Хан представил императрице детально разработанный им план реформ. Царица одобрила этот документ, потому что он во многом напоминал ей замыслы преобразователя России Петра Великого.

Разумеется, Потемкин читал проект Шахин-Гирея и знал, о чем он трактует. Похоже, Али-Мехмет-мурза тоже был в курсе. Лишь Казы-Гирей как-то оживился. Он даже заерзал на месте и витиевато заговорил о выполнении неких особых пунктов, которые имелись в этом плане. Он попросил еще раз огласить их.

Воцарилась длинная пауза.

Анастасия быстро подняла глаза и нечаянно встретила взглядом с Али-Мехмет-мурзой. Этот взгляд сказал ей многое. Затем ей почудилось, будто крымский посол смутился. Он отвернулся от нее, что-то сказав Казы-Гирею по-татарски. Родственник хана отмахнулся от него, как от надоедливой мухи, и задал новый вопрос Светлейшему. Теперь в нем прозвучало слово «деньги».

Да, деньги. Золотые рубли, которые императрица обещала молодому реформатору. Она на собственном опыте убедилась в том, что никакие благие намерения правителя не завоюют умы и души подданных, если у него не будет нужной суммы. А перемены в жизни государства стоят дорого, очень дорого.

И платить должен тот, кто их затевает.

Потому превосходного качества российские червонцы, отчеканенные в Санкт-Петербурге, имеющие в своем составе до 98 процентов благородного металла и украшенные профилем Екатерины Алексеевны, были уложены слоями через деревянные перегородки в квадратные ящики. Их обшили дерюгой и запечатали красными сургучными печатями. По зимней дороге в феврале 1778 года они отправились с севера империи на юг. Сопровождал санный поезд полуэскадрон драгун с офицером, коему одному был известен секрет груза.

– Сто пятьдесят тысяч рублей, – после долгого молчания сказал Казы-Гирею губернатор Новороссийской и Азовской губерний.

– C' est ainsi en effet?![8 - – Это действительно так?! (фр.).] – в сильнейшем волнении воскликнула Анастасия и тут же испуганно прикрыла рот рукой.

– Oui, bien sur, ma amie[9 - – Да, конечно, мой друг (фр.).], – невозмутимо ответил ей Потемкин.

Теперь Казы-Гирей пристально посмотрел на нее. Темно-карие его глаза казались черными. Тонкое пламя свечи на мгновение отразилось в них и исчезло. На скулах молодого татарина заиграли желваки. «Неужели это он так смотрел на меня?» – подумала Анастасия.

По знаку Светлейшего все поднялись со своих мест. Обед закончился. Лакеи начали отставлять стулья с высокими спинками, помогая гостям выйти из-за стола. Анастасия услышала, что князь приглашает крымчан продолжить беседу в неофициальной обстановке и перейти в его кабинет, называемый «турецким». Татары согласились.

Потемкин подал Анастасии руку. Она думала, что он сейчас отведет ее к дамской комнате, где она оденется и потом уедет домой, наверное, в сопровождении поручика Мещерского. Но Светлейший направился совсем в другую сторону, и вскоре они очутились в его кабинете.

– Наши крымские гости понравились вам? – спросил князь.

– Странные люди, – ответила она задумчиво.

– Обычные мусульмане, – сказал Светлейший. – Просто вы никогда не встречались с ними ранее. Вы не знаете их веры, их повседневной жизни, их традиций и нравов.

– Почему же? – не согласилась она. – Я видела мусульман. Сначала они скакали в атаку на батальонное каре моего мужа. Потом обратились в бегство. Потом бросали оружие и сдавались в плен. Потом просили у нас хлеб и воду.

- Вы давали?
- Да. Господь всем нам завещал проявлять милосердие к падшим.
- Тогда проявите милосердие еще раз.
- В нем кто-то нуждается?
- Вы произвели неизгладимое впечатление на моих восточных собеседников.
- Ну и что?
- Отдаю должное вашей привлекательности... – Он поклонился. – И все больше восхищаюсь вами.
- А дальше? – спокойно спросила она.

Светлейший помедлил.

- Хотите принять участие в следующем эпизоде нашего праздника? Если вы согласитесь, это будет интересная игра.
- Сомневаюсь, что ваши действия, – причем любые! – можно назвать этим словом. – Анастасия усмехнулась.
- Хорошо, душа моя. Буду откровенен с вами. Сейчас я задумал один экспромт. Я не планировал его. Подказала ситуация на обеде. Было в их поведении такое... такое... – Князь озадаченно потер подбородок и зашагал по кабинету от окна к двери. – Такое, душа моя, что вызывает у меня недоверие или даже подозрение. Али-Мехмет-мурза более-менее ясен. С ним уже работали. Хотя я бы никогда не поручился ни за одного татарина. А Казы-Гирей... Совершенно новый персонаж. Где он обретался ранее? Почему Шахин-Гирей вдруг отправил его сюда, на переговоры?
- Вы думаете, я смогу найти ответ на такой вопрос? – Анастасия наблюдала за передвижениями Светлейшего.

– Будет лучше, любезная Анастасия Петровна, если они сами ответят. Им надо только немного помочь в этом щекотливом деле...

Губернатор Новороссийской и Азовской губерний снова приблизился к Анастасии и взглянул на нее испытующе. Пусть эта женщина появилась тут недавно. Но она безумно влекла его к себе. Не только молодостью и красотой, но и сильным характером, не по-дамски здравым рассудком. Бесспорно, была в ней какая-то особая струнка. Отсутствие страха, что ли. А может быть, страсть к приключениям. Он понимал ее очень хорошо и почти не сомневался в том, что она примет его предложение...

Когда шло строительство дворца, Потемкину пришла в голову идея: сделать в нем особую комнату. В ней находились потайной ход с дверью, имеющей вид обычной дверцы платяного шкафа, и ниша, прикрытая большим и толстым хорассанским ковром с проделанными в нем отверстиями для подслушивания и визуального наблюдения. Комната получила название «турецкий кабинет», потому что ее интерьер оформили в восточном стиле. Только низкие диваны вдоль стен, ковер на полу и маленький столик. Еще Светлейший заказал для нее в Стамбуле два кальяна, очень дорогих и красивых.

За комнатой следил слуга – турок Ибрагим, попавший в плен к русским после сражения при Кагуле в 1770 году. Подобно слугам турецкого султана, выполняющим его специальные поручения, вроде удушения шнурками прямо в покоях дворца людей, вызвавших гнев их повелителя, Ибрагим был немым. Потому никто не знал, что по приказу своего хозяина он смешивает табаки – черный иранский и фруктовый турецкий – с гашишем.

Сегодня Ибрагиму слишком поздно сказали, что в «турецком кабинете» будут гости. Один кальян – для Потемкина – с рубиновым мундштуком был у него готов давно. Но второй кальян – для гостей – с двумя изумрудными мундштуками требовал особой заботы. Ибрагим торопливо достал кисет с табаком, пропитанным яблочным соком, торопливо наполнил им глиняную табачную чашечку на верхушке кальяна, торопливо отсыпал туда белый порошок из заветной коробочки.

В следующую минуту ему показалось, что доза велика. Но времени на исправление не оставалось. Турок перемешал смесь, прикрыл табачную чашечку крышкой с отверстиями, положил сверху древесный уголь, смоченный в селитре. Затем поджег его с помощью длинного прутика и сделал пробную

затяжку.

Потемкин, одетый в восточный парчовый халат с дивной вышивкой на груди, выполненной золотыми нитями, блестками и стразами, уже входил в кабинет. Ибрагим, низко поклонившись хозяину, показал головой на кальян для гостей и попытался жестами все объяснить, но Светлейший, озабоченный предстоящей беседой, лишь махнул рукой: быстрее уходи!

Явились крымские гости с переводчиком. Губернатор, надевший восточную одежду, кабинет, имеющий такое убранство, и раскуренные кальяны произвели на них приятное впечатление. По приглашению князя они возлегли на диваны. Потемкин придвинул к ним кальян с изумрудными мундштуками, а сам взял рубиновый. Завязалась непринужденная беседа. Обсуждали спуск на воду фрегата «Флора». Али-Мехмет-мурза интересовался техническими характеристиками корабля. Казы-Гирей сказал, что фрегат хорош, но надо не менее трех-четырех таких кораблей, чтобы обезопасить берега Крыма от крейсирования турецких военных парусников.

Вдруг дверь кабинета широко распахнулась. В комнату вошла Анастасия. В руках она держала маленький золотой поднос с тремя золотыми же чашечками. За ней следовал лакей. Он нес поднос гораздо большего размера с кофейником, молочником, сахарницей и блюдом восточных сладостей. Это явление так ошеломило Али-Мехмет-мурзу, что он уронил на пол длинный чубук кальяна и сильно закашлялся дымом.

– Что с вами, достопочтенный мурза? – спросил его князь.

– Сердце мое тает при виде красоты, – ответил посол, наблюдая, как Анастасия с помощью лакея наполняет чашки густым и ароматным напитком.

– Гостям мы рады... – Она подошла к Али-Мехмет-мурзе.

подавая ему кофе, Анастасия наклонилась очень низко. Татарин впился взглядом в глубокий вырез ее платья. Он мечтал увидеть это и наконец увидел. В легкой полутени грудь красавицы обрисовывалась почти полностью.

– Шайтан! – пробормотал Али-Мехмет-мурза, забыв о кофе.

– Возьмите вашу чашку, – напомнил ему Потемкин.

С таким же поклоном Анастасия подала кофе и Казы-Гирею. Она даже задержалась около него подольше. Двоюродный брат хана, конечно, бросил взгляд за вырез ее платья, но тотчас отвел глаза. Злая усмешка искривила его губы. Вообще отвернувшись в сторону от русской красавицы, он пробормотал сквозь зубы: «Сагъ олунъыз!»[10 - Спасибо! (тюрк.-тат.)] Когда она уходила от него, то снова почувствовала тот особый взгляд, что не давал ей покоя на дипломатическом обеде. «Значит, это все-таки был он!» – решила Анастасия.

Дождавшись, пока она вместе с лакеем покинет комнату, Потемкин перешел к конфиденциальной беседе. Его волновали нынешние отношения в многочисленном семействе Гиреев. Русским, в частности, было известно, что против молодого хана интригуют его братья: Арслан-Гирей, предводитель ногайской орды, и Бахадыр-Гирей, обретающийся на Тамани. Еще один его родственник – сын хана Крым-Гирея, предводитель абазинской орды Мехмет-Гирей, тоже не скрывал своих враждебных намерений.

Спору нет, все они могли претендовать на престол в Крымском ханстве. Но русские уже сделали ставку на Шахин-Гирея, уже вложили в этот проект большие средства и пока не видели необходимости заменять главную фигуру.

Хотя этот выбор, скорее, был случайным, чем целенаправленным, заранее определенным. Просто в августе 1771 года тогдашний правитель Крыма Сахиб-Гирей отправил в Санкт-Петербург посольство. Оно должно было передать императрице лист с присягой, подписанной ста десятью беями и мурзами, и грамоту об избрании Сахиб-Гирея ханом. Руководил посольством именно Шахин-Гирей, младший брат хана, недавно получивший титул калги-султана.

Первая сугубо официальная аудиенция проходила в тронном зале Зимнего дворца. Русские и татары целый месяц согласовывали ее церемониал. Двадцатипятилетний калга-султан хотел войти в зал, не снимая своей крымской черно-каракулевой шапки.

Это было совершенно против правил, установленных российским императорским двором для дипломатических представителей такого ранга. Но в конце концов императрица согласилась. Шахин-Гирей вошел в зал в шапке, вручил ей подписной лист и грамоту, произнес речь и выслушал ответ на нее, текст

которого посланцы хана получили заранее.

А дальше все вышло совсем не по протоколу.

Шахин-Гирей понравился Екатерине Алексеевне. Она угадала в нем человека пытливого ума, глубоких знаний и высоких культурных запросов.

Он действительно свободно владел греческим и итальянским языками, знал европейскую живопись и литературу, сам писал стихи.

Удивленная такими талантами пришельца из обширных причерноморских степей, она написала Вольтеру: «У нас в настоящее время находится паша султан, брат независимого хана крымского... Крымский дофин – самый любезный татарин, он хорош собою, умен, образован не по-татарски, хочет все видеть и все знать... Все тут полюбили его...»

Под словом «все» императрица в первую очередь подразумевала себя.

Она приглашала Шахин-Гирея на военные маневры и парады, на спектакли придворного театра и балы, возила в Адмиралтейство, на фабрику фарфора, железоделательный завод и даже в Смольный институт благородных девиц, чтобы похвастаться успехами женского образования в России.

Переполненный новыми необычными впечатлениями, калга-султан теперь охотно являлся на неофициальные аудиенции, например, в Царское Село. Здесь в уютном кабинете, сидя у камина, Екатерина благосклонно внимала речам Шахин-Гирея. Он говорил все то, что она хотела слышать. Он пылко обличал средневековые нравы при дворе Сахиб-Гирея, шутил над азиатскими обычаями крымско-татарского народа и строил планы грандиозных преобразований в своей родной стране. Дело было за малым. Следовало лишь возвести его на трон вместо старшего брата, и так Россия получила бы новое, по-европейски устроенное государство, настоящий форпост на Юге, важный для ее извечной борьбы с турками.

Только министр иностранных дел канцлер Панин был недоволен затянувшимся пребыванием калги-султана в Северной Пальмире. Его люди следили за татарским принцем и доносили весьма неприятные вещи. Молодой татарин, легко приобретая столичный лоск, вел жизнь великосветского франта, то есть играл в карты, кутил, приобретал предметы роскоши и входил в большие долги. Панин составил для царицы подробнейший доклад, в коем перечислил

прегрешения Шахин-Гирея. Екатерина Алексеевна его прочитала. Она пригласила на беседу своего любимца и по-матерински снисходительно пожурела его. А Панину приказала заплатить за него долги из бюджета Иностранной коллегии. Первый раз – пять тысяч рублей. Второй раз – десять тысяч рублей.

Продолжая изучать Россию и развлекаться в Петербурге, Шахин-Гирей вскоре заложил купцу Лазареву подарки императрицы – бриллиантовый перстень и золотую табакерку с ее портретом. Тут уж царица сама внесла восемь с половиной рублей за оба предмета и вернула их крымскому гостю с дружеским увещанием.

Избранный в 1777 году ханом, Шахин-Гирей перешел из-под опеки Панина под опеку Потемкина, и крымские дела тотчас превратились в головную боль для губернатора Новороссийской и Азовской губерний. Ведь не благоустроенная, спокойно живущая под сенью справедливых законов страна досталась в управление знатоку итальянской и персидской поэзии, а взбудораженное государство, подошедшее к новой вехе своей истории. Патриархально-феодалные отношения вместе с полукOLONиальной зависимостью от Турции окончательно уходили в прошлое. Им на смену должны были явиться другие.

В сущности, это была революция.

Но железной воли революционного лидера, бешеного напора человека, решившего перевернуть весь мир, когорты верных соратников, одержимых одной с ним идеей, молчаливой поддержки народа – вот чего не хватало Шахин-Гирею. Слишком долго он жил вдали от родной страны, слишком плохо знал ее людей. Он привык всегда быть одиноким, не зная ни преданных друзей, ни яростных врагов. Потому теперь, очутившись на вершине власти, у всех на виду, сделался страшно уязвимым.

Вынужденный охранять молодого хана, Потемкин присматривался ко всему, что вокруг него происходило. Тема внутренней безопасности ханства всплыла и в этом разговоре. Али-Мехмет-мурза сообщил князю, что в последнее время наблюдается прямо-таки повальное нашествие на полуостров всевозможных коммерсантов из Стамбула и уследить за ними за всеми нет никакой возможности. Кроме того, у многих чиновников ханской администрации объявились вдруг щедрые родственники в Турции, приславшие им богатые подарки.

– Что же, по-вашему, мы должны делать? – сурово спросил его Светлейший.

– Что делать? Пока не знаю, – пожал плечами посол. – Но сейчас хотелось бы выпить еще чашечку вашего изумительного кофе...

Клубы дыма, пахнувшего свежими яблоками, плавали в «турецком кабинете». В кальяне с изумрудными мундштуками табачная заправка подошла к концу. Вместе с ней крымские гости выкурили и весь гашиш. Потемкин с некоторой тревогой наблюдал за их поведением. Оно стало слишком странным. Блаженная улыбка бродила по лицу Али-Мехмет-мурзы. Он что-то бормотал себе под нос. Казы-Гирей, наоборот, стал еще мрачнее. Он сидел, как истукан, и глаза у него словно остекленели.

– Вы говорили про турецких коммерсантов... – Потемкин наклонился к Али-Мехмет-мурзе.

– Нет! – встрепенулся тот. – Я говорил о кофе. Так вот, сдается мне, что женщина научилась варить кофе в Турции. Во время моего последнего путешествия по Румелии я видел там таких красавиц. Их предки пришли с далекого севера. Потому они не похожи на тех наложниц, что турки обычно покупают на рынках Средиземноморья... Кстати, а сколько бы вы взяли за нее, князь?

– Эта женщина не рабыня.

– О, я знаю нынешние цены на Аврет-базаре! – погрозил ему пальцем татарин. – Больше тысячи пиастров никто за нее не даст. Но я предлагаю вам полторы. По дружбе.

– Говорю вам, она не рабыня. Она принадлежит к знатному роду и совершенно свободна.

Мурза рассмеялся.

– Глупости! Она слишком хороша собой. Мужчины, как ахалтекинские жеребцы, будут биться за обладание ее прекрасным телом.

– Кроме тела, у нее есть душа.

Эти слова вывели крымского посла из состояния транса. Он посмотрел на Потемкина абсолютно трезвыми глазами.

– Душа у женщины! – иронически повторил он. – После этого я скажу вам, князь, откровенно... Да вы просто... Вы просто поэт, князь!

Казы-Гирей по-прежнему держал в руках изумрудный мундштук и слушал этот спор. Он как будто понемногу приходил в себя. Взор его беспокойно обращался то к Али-Мехмет-мурзе, то к Светлейшему. Несколько раз он собирался что-то сказать, да так и не вымолвил ни слова.

Между тем спектакль с раздачей кофе по просьбе ханского посла был разыгран еще раз. Только кончился он не так, как предполагал губернатор Новороссийской и Азовской губерний. Когда Анастасия снова наклонилась к татарину, у того в руках оказался кожаный мешочек, туго набитый монетами. Не медля ни секунды, Али-Мехмет-мурза засунул его глубоко в вырез ее платья, угодив точно между двумя прелестными холмиками.

Звук пощечины в «турецком кабинете» раздался громко, как удар бича. Крымчанин отшатнулся. Но это не спасло его от дальнейших действий разъяренной Анастасии. Три чашки с горячим кофе она очень ловко опрокинула прямо на его татарский кафтан. От неожиданности Али-Мехмет-мурза взвыл.

Казы-Гирей, до сего момента сидевший неподвижно, точно изваяние, вдруг бесшумно бросился к Анастасии.

В руке у него был зажат кинжал. Однако не тот кривой турецкий бебут, напоказ засунутый за складки шелкового пояса, а другой – тонкий трехгранный венецианский стилет, неведомо как очутившийся у родственника хана. Короткой прямой молнией он сверкнул в легком сумраке кабинета, но цели своей не достиг. Светлейший подставил Казы-Гирею ногу, и тот рухнул на пол. Огромной своей лапой Потемкин наступил на стилет, а молодого татарина поднял за шиворот, встряхнул и поставил рядом.

Переводчик бился в двери и звал на помощь. Дюжие телохранители князя ворвались в кабинет. Али-Мехмет-мурза уже счищал кофейную гущу со своей одежды, Анастасия собирала чашки на поднос. Светлейший князь и двоюродный

брат хана стояли, застыв в объятиях. С дикой ненавистью смотрели они друг на друга, но оба не говорили ни слова. Наконец Потемкин оттолкнул от себя крымчанина.

– Это – случайность! – громко произнес он.

Да, конечно, только случайность. Телохранители не успели увидеть кинжал, сейчас находящийся на полу, под башмаком Светлейшего. Едва ли заметил его и Али-Мехмет-мурза, занятый своей испорченной одеждой. Также не могла знать о броске с холодным оружием и Анастасия, ибо в тот миг стояла спиной к Казы-Гирею. А переводчик бежал к двери, испугавшись раньше всех.

– Мне уйти, ваше высокопревосходительство? – спросила Анастасия.

– Не надо, почему же, останьтесь... – с трудом подбирая слова, но без малейшего акцента заговорил по-русски Али-Мехмет-мурза. – Ваше присутствие на переговорах делает их... украшает их... придает им неизъяснимое очарование... Я многое готов сделать для России... Только под твердые гарантии...

– Достопочтенный мурза! Весьма сожалею! – Светлейший смотрел на его кафтан с коричневыми пятнами и разводами.

– Все это пустяки, любезный князь, – сказал ханский посол, и стало ясно, что ему ужасно жаль свою парадную одежду.

– Мы убедились в одном. Никакие случайности не могут омрачить наших дружеских долговременных отношений! – с пафосом продолжал Потемкин.

– Да, да, да... – кивал головой мурза.

– Теперь же поменяемся кафтанами по древнему обычаю наших предков, чтобы до конца дней своих остаться верными кунаками...

При этих словах губернатор Новороссийской и Азовской губерний снял свой великолепный парчовый халат с золотой вышивкой и с поклоном протянул его Али-Мехмет-мурзе, безмерно удивленному. Помедлив, крымчанин степенно

и с достоинством принял дар. Телохранители, отойдя от Казы-Гирея, который, не в силах вымолвить ни слова, лишь хлопал глазами, помогли ханскому послу переодеться. Халат князя свободно облег его невысокую фигуру и спустился до пят. Али-Мехмет-мурза закатал рукава и погладил ладонями вышивку на груди.

– Очень красиво...

Потемкин натянул на себя кафтан мурзы. Он чуть не треснул по швам на плечах у Светлейшего. Новые кунаки трижды поцеловались и обнялись, потом низко поклонились и в самых изысканных выражениях пожелали друг другу здоровья и всяческого преуспевания. На том конфиденциальная встреча полномочных представителей двух союзных государств и завершилась.

Анастасия тоже хотела уехать. Но Светлейший удержал ее. Через весь опустевший дворец, через большую гостиную, где слуги гасили свечи на люстрах, через анфиладу комнат, уже затемненных, по узким лестницам и коридорам князь провел красавицу в свой кабинет, держа в руках шандал со свечами. Следом за ними шел лакей и нес вещи Анастасии – турецкую шаль, шляпку и сумочку. Потемкин притворил за лакеем дверь, поставил шандал на письменный стол, заваленный бумагами. Взяв еще два подсвечника, он по очереди зажег в них свечи.

В кабинете стало заметно светлее.

– Вы довольны, ваша светлость? – спросила Анастасия. – Вы этого добивались?

– Ну, положим, были и неожиданности... – буркнул князь и выложил на стол венецианский стилет.

– Ого! Интересная штука! – Анастасия протянула руку к кинжалу. От мужа ей досталась небольшая коллекция холодного оружия, и она кое-что понимала в нем.

– Этот паршивец Казы-Гирей каким-то образом пронес его с собой на нашу встречу. Для чего, хотел бы я знать... А то, что он бросился к вам с кинжалом...

– Я не заметила.

– А никто не заметил. К счастью... Он держал его так... – Потемкин прижал кулак к боку и чуть наклонился. – Удар был бы совершенно незаметным и внезапным, однако смертельным, если бы попал в сердце. Этот прием придумали еще ассасины...

– Ассасины?

– Средневековая мусульманская секта. Они брали в бедных семьях мальчиков и растили из них наемных убийц-смертников. Очень успешно, кстати. При помощи гашиша внушали мысль, что после убийства те попадут в рай, где им будут прислуживать прекрасные гурии-девственницы.

– Вижу, что с вашими восточными друзьями нужно держать ухо востро.

– Это точно. – Светлейший вздохнул. – Но ничего. Потихоньку мы к ним привыкнем... А вы – молодец. Совсем не растерялись. Особенно удался номер с опрокидыванием горячего кофе. Примите мои поздравления.

Анастасия просияла.

– Я старалась. Честно говоря, мне понравилась игра.

– Правда? Очень рад, душа моя. Почему-то я сразу подумал, что вы – человек не робкого десятка.

– Вы сказали комплимент?

– Нет. Констатировал факт.

– Тогда спасибо! – Анастасия церемонно поклонилась Светлейшему. – Но вообще-то я устала. Слишком много сюрпризов вы приготовили мне сегодня. Я хочу, чтобы этот длинный день наконец-то закончился...

– Подождите... – Потемкин подошел к конторке, звякнул ключами и открыл маленький ящик. – На память об этой истории я хочу вручить вам одну

вещицу. Она идеально подойдет к этому изумрудному платью.

– Зачем? – Анастасия пожала плечами. – По-моему, гонорар я уже получила.

Она вытряхнула из кожаного мешочка Али-Мехмет-мурзы на стол монеты. Это были турецкие серебряные пиастры, числом 25 штук. Потемкин взял одну, подбросил на ладони, затем повернул аверсом к огню свечи, чтобы показать Анастасии надпись арабской вязью.

– Произведено в Стамбуле, – сказал он. – Когда-то в них было много серебра. Но теперь у турок финансовый кризис. Они понижают курс, добавляя все больше олова...

– Спокойной ночи, Григорий Александрович!

– Минуту! – Светлейший приблизился к Анастасии и застегнул у нее на шее кольцо с крупными изумрудами и рубинами.

– Что это? – Она коснулась рукой украшения, и острые грани драгоценных камней укололи ей пальцы.

– Сувенир, – сказал он.

В знак благодарности Анастасия поцеловала князя. Он обнял красавицу и долго не отпускал, осторожно касаясь губами ее шеи, обнаженных плеч и груди.

– Не сегодня, – сказала она, освобождаясь от его объятий.

– Завтра! – ответил Потемкин. – Послезавтра. И еще послезавтра...

Глава четвертая

Завещание подполковника Аржанова

Пакет из плотной коричневой бумаги с сургучными печатями Ширванского пехотного полка в канцелярию Светлейшего доставили 22 сентября 1780 года. Коллежский советник Турчанинов поспешно вскрыл его и прежде всего прочитал письмо, адресованное ему лично.

«Милостивый государь мой Петр Иванович! – писал «однокорытник». – Я получил твое послание и тороплюсь на него отвечать, поскольку понимаю, что вопрос свой ты задал мне неспроста. Подполковник Андрей Александрович Аржанов действительно служил в моем полку. Был он из дворян Курской губернии Льговского уезда села Аржановка, в коем принадлежало ему 75 душ крепостных мужеска пола. Служить начал с пятнадцати лет, капралом в пехоте. Как дальнейшая его служба проистекала, ты можешь усмотреть из его формулярного списка от Генваря 1-го дня 1774 года, копию коего у сего прилагаю. От себя скажу, что военную службу Аржанов знал и любил. Однако карьера его как-то не складывалась. Заметь, что в чине премьер-майора он состоял тринадцать лет. Командир батальона он был хороший. Все и всегда у него было в отменном порядке, и солдаты его любили.

О частной его жизни известно мне немного. Знаю только, что детей Аржанов не имел, зато три раза был женат. Первая его супруга умерла родами, произведя на свет мертвое же дитя. Со второй он развелся, застав ее дома с молодым любовником. Про третью его жену я могу рассказать тебе поболее, так как сие сватовство и венчание на моих глазах происходило. Ее зовут Анастасия Петровна, она из рода дворян Вершининых, что в Орловской губернии обитают. Однако росла и воспитывалась в доме своей тети по матери, генеральши Шестаковой. Собою хороша необыкновенно, по характеру весьма своенравна и, на беду свою, – совершенно без средств...»

Тут Турчанинов отложил письмо в сторону. Он был несколько разочарован. Наблюдая события последних дней вокруг Светлейшего, он заподозрил происки разведки: то ли французской, то ли австрийской. Ведь не поедет же обыкновенная женщина на судоверфь.

Чего она там не видела? Не сможет она, не ведая страха, разбивать бутылки о борт корабля. А какой ей интерес в скучном дипломатическом обеде, особенно – в беседе Потемкина с послами иностранного государства, которую она так внимательно слушала?

Турчанинов много думал об этом. Он уже прикидывал в уме разные хитрые комбинации по разоблачению сероглазой красавицы и незаметному удалению ее из ближайшего окружения Светлейшего. Но пришло письмо, и все оказалось гораздо проще. Теперь следовало только терпеливо ждать, когда Потемкин сам отправит госпожу Аржанову восвояси.

Коллежский советник пересмотрел другие документы, присланные ему «однокорытником». Кроме копии формулярного списка подполковника Аржанова, в пакете находилось еще три бумаги, заверенные полковой печатью. Это были: копия рапорта Бурнашова об участии Ширванского пехотного полка в сражении с турками при Козлуджн 9 июня 1774 года с подробным описанием действий второго батальона, которым командовал Аржанов, и подвига, совершенного им; копия списка убитых, раненых и пропавших без вести при Козлуджи, где Аржанов был показан умершим от ран 10 июня 1774 года; копия прошения его вдовы на имя императрицы о назначении ей пенсии за погибшего мужа, датируемая 15 июня 1774 года.

Управитель канцелярии открыл шкаф с особо важными бумагами и достал то прошение, которое госпожа Аржанова ныне подала князю. Они были написаны по-разному: одно – коротко и сухо, второе более пространно и эмоционально, но факты, изложенные в них, совпадали полностью.

Турчанинов взял гусиное перо, обмакнул его в чернильницу, начертал на листе: «Доклад о вдове подполковника. Ширванского пехотного полка госпоже Аржановой Анастасии Петровне, урожденной Вершининой, из дворян Орловской губернии». После этого он надолго задумался. Надо было сообразить, какие именно сведения и выводы хотел бы в данном случае получить Светлейший, ведь до сего времени ни одна из фавориток такого пристального внимания князя не удостоивалась.

Потому свой доклад управитель канцелярии решил сделать в виде краткой справки с обзором документов, присланных Бурнашовым. По формулярному списку Аржанова, где она была поименована, он высчитал возраст красавицы – ей сейчас было полных 25 лет. Также он смог указать дату ее вступления в брак с подполковником – февраль 1772 года. К этому Турчанинов присовокупил сведения из частного письма к нему «однокорытника» – про ее внешность, характер и финансовое положение, а также фразу, которая особенно его заинтересовала: «Госпожа Аржанова 9 июня 1774 года находилась на поле боя вместе с мужем, по собственной воле надев фартук санитара и оказывая помощь

раненым солдатам из батальона своего супруга. При внезапной атаке турецкой конницы на батальонное каре взяла фузею и встала во вторую шеренгу».

Доклад был готов. Он занимал две страницы убористого текста. Турчанинов расписался, поставил дату, сложил все бумаги в пакет. Теперь поручение князя было выполнено с той тщательностью и аккуратностью, которые Светлейший всегда ценил в своем верном помощнике...

Анастасия, утомленная разнообразными событиями 10 октября, всю ночь спала крепко, но под утро ей приснился странный сон. Сначала она услышала стук в дверь и вспомнила, что Андрей Александрович Аржанов никогда не входил в ее спальню без такого стука: громкого и короткого. Затем он сам явился перед ней, но в том виде, как это было в день их первой встречи в доме ее тети Ксении Константиновны Шестаковой, жены генерал-майора Федора Михайловича Шестакова, в тот год откомандированного в Крым.

Аржанов был с уставной парадной прической: длинная коса, оплетенная лентой, и букли, завитые над ушами, напомаженные и обильно напудренные. Его форменный зеленый кафтан с красными обшлагами, лацканами и воротником украшали позолоченные пуговицы. По поясу на камзоле виднелся офицерский шарф из золотых нитей. Подполковник опирался на трость с костяным набалдашником. Для него это была не просто уставная, а сугубо ему нужная вещь, так как он прихрамывал на левую ногу из-за раны, полученной еще в 1761 году, при осаде прусской крепости Кольберг. Аржанов, глядя на Анастасию, достал свою табакерку, заложил в нос табак, чихнул и весело произнес:

– А погода-то сегодня удивительная!..

Анастасия открыла глаза. Никакого Аржанова, конечно, не было и в помине. Его брренное тело давно покоилось на русском воинском кладбище, устроенном на опушке Делиорманского леса, примерно в пяти верстах от города Козлуджи. Душа старого воина, по разумению Анастасии, пребывала в раю. Но иногда ей казалось, что покойный супруг безмолвной тенью следует за ней и хочет помочь, если дела вдруг приобретают оборот тревожный или неожиданный.

Физического влечения к подполковнику Аржанову Анастасия никогда не испытывала. Но жизнь, прожитая им до их свадьбы, его характер, образование и воспитание не могли не внушать ей глубокого уважения. Потом, ближе познакомившись с подполковником, Анастасия стала жалеть своего супруга. Израненный в боях, в военных походах исходивший дороги Пруссии, Польши, Молдавии, всецело преданный службе, честный и мужественный человек, он, как ей думалось, мало был вознагражден в этом мире за все свои достоинства и добрые деяния.

Ей не забыть тот ноябрьский день, когда штаб-офицеры Ширванского пехотного полка, прибывшего на зимние квартиры в Черниговскую губернию, впервые появились в доме генерал-майора Шестакова. Там как раз устраивали бал в честь именин ее тети. Полковник Бурнашов привез с собой полковой оркестр. Начались танцы до упаду. Анастасия веселилась больше всех, пока тетя не сказала ей, что один их важный гость скучает и надо, хотя бы из вежливости, поговорить с ним. Это был Аржанов. Он не играл в карты, не пил вина в буфете, а наблюдал за танцующими. Однако было видно, что ему ужасно хочется танцевать. С этим вопросом: почему он не танцует? – Анастасия, сопровождаемая Ксенией Константиновной, и подошла к подполковнику, опирающемуся на трость.

Потом он стал ездить в дом Шестакова на правах знакомого и не с офицерами-ширванцами, а один, пока наконец в начале января 1772 года не сделал предложения руки и сердца юной племяннице генеральши. Ксения Константиновна не стала скрывать от подполковника истинного положения дел. Все приданое Анастасии заключалось в трех крепостных душах (семья ее горничной Глафиры), в двух сундуках с постельным и столовым бельем и в двух сундуках с полотном, холстами и кружевами. От себя госпожа Шестакова добавляла бедной родственнице на выход в замужество 500 рублей. Андрей Александрович улыбнулся и сказал, что этого ему вполне достаточно.

На улаживание всяких формальностей ушел месяц. Писали отцу Анастасии, служившему в Москве, наводили справки о состоянии самого Аржанова, готовились к свадьбе, венчание происходило в храме Св. Николая-угодника, в деревне Крутогорки, принадлежавшей генерал-майору Шестакову. Посаженым отцом жениха выступал полковник Бурнашов, а посаженым отцом невесты – сосед Шестаковых по имению, отставной титулярный советник Пьянов.

Никогда и никому не рассказывала Анастасия о том, что в первую брачную ночь Андрей Александрович к ней даже не прикоснулся. Когда в девятом часу вечера они покинули свадебный пир и удалились в спальню, то Аржанов помог ей раздеться до нижней рубашки из белого голландского полотна, а сам снял кафтан и камзол. Тут подполковник заметил, что юная его жена дрожит, как осиновый лист, и глаза у нее полны слез. Он сел на постель, попросил ее сесть рядом с ним, немного подумал и задал ей вопрос:

– Вы знаете, что надо делать дальше?

– Нет, – честно призналась она.

– Вам никто не говорил об этом?

– Только сейчас тетя мне сказала, что будет очень больно, но я должна все стерпеть и покориться вам...

Из французских романов Анастасия, конечно, знала, что между женщиной и мужчиной в постели должно происходить нечто особенное и в этом проявляется любовь. Но воспитанная тетей в строгом, почти монашеском духе, она не осмеливалась размышлять на эту тему и тем более – узнавать подробности. Ксения Константиновна даже после сватовства Аржанова старалась не говорить об этом. Лишь однажды она вскользь заметила Анастасии, что дурное дело – нехитрое и с мужем та все узнает.

Возможно, Аржанов догадался обо всем. Но он ничуть не рассердился. Как послушную девочку, он погладил Анастасию по светло-каштановым волосам и предложил... лечь спать, повернувшись спиной друг к другу. Кровать была просторной, одеяло – широким, а две большие подушки, туго набитые гусиным пухом, даже не соприкасались между собой.

Зато утром Анастасия проснулась от того, что стало ей жарко. Оказывается, во сне она перекатилась на другую сторону кровати и теперь лежала под боком у мужа. Он увидел, что она не спит, стал поглаживать ей плечи, целовать шею, шептать какие-то смешные и нежные слова, щекотать за ухом. Началась веселая возня в постели. Анастасия вдруг очутилась под Аржановым, почувствовала силу его еще не старого тела. Вот тогда он впервые положил ладони ей на грудь...

На другой день после свадьбы молодые уехали, так как Аржанов взял отпуск в полку на месяц. Из Крутогорки до Аржановки по зимнему тракту они добрались за четыре дня. Родовое гнездо встретило их деревянным барским домом на восемь комнат, скрипучими половицами, разбухшими дверями и старинным садом, занесенным по колени февральской метелью. Несмотря на снегопад, все местное население, включая малых детей, стариков и беременных женщин, высыпало на дорогу встречать своего барина, а молодой барыне поднесло хлеб-соль. То, чего так боялась Анастасия, произошло в русской бане, где они с Андреем Александровичем долго мылись после дороги. Разгоряченная его настойчивыми ласками, расслабленная от березового пара, она только застонала, потому что действительно не ощутила резкой боли.

Вообще жизнь в Аржановке Анастасии понравилась. После тетиного дома, где все подчинялось строгому распорядку, а она сама была существом поднадзорным и почти бесправным, Анастасия почувствовала себя птицей, выпущенной на волю. Муж сразу сказал, что распорядиться хозяйством будет только она, и вручил ей большую связку ключей от погребов, сараев, ледника и всех шкафов в доме.

Вместе с ключами под ее начало поступила прислуга. Прежде всего – экономка Аржанова Епифания, женщина лет сорока от роду, совершенно необъятных размеров и великого, по крестьянским меркам, образования. Она умела читать, кое-как писала и знала четыре действия арифметики. Епифания ревниво отнеслась к появлению молодой хозяйки, но решила, что с этой девчонкой, не сведущей в домоводстве, она справится легко. Не тут-то было. Анастасия до сватовства Аржанова, еще до свадьбы переписывала от руки в свою тетрадь «in-quatro» тетину книгу, переведенную с немецкого, «Рачительная хозяйка, или Сто завтраков, обедов и ужинов, а также всякие другие домашние заготовления графини Энгель, проживающей в Вене».

Так что теоретические споры о продуктах, исчисленных в фунтах и золотниках и нужных для изготовления 20 порций куриного супа с лапшой, или о подлинном рецепте пирога, начиненного соленым сигом, рисом и яйцами, Анастасия у Епифании обычно выигрывала. На практике экономка давала ей сто очков вперед, но Анастасия не обижалась. Она была убеждена, что учиться надо всю жизнь.

Подполковник Аржанов, часто призываемый обеими сторонам в третейские судьи, только посмеивался. Однажды за ужином он сказал жене, что следует

собираться в дальнюю дорогу. Отпуск кончается, ему пора ехать в полк, и Анастасию он берет с собой. В первый момент она огорчилась. Ей не хотелось покидать только что обретенный дом, такой уютный и благоустроенный. Но скоро Анастасия справилась со своими чувствами и улыбнулась Андрею Александровичу: с мужем она поедет хоть на край света.

Печальный опыт со второй женой, которая наставила ему рога на десятом месяце их супружества, многому научил Аржанова. Он понял, что женщиной, молодой и красивой, нужно постоянно заниматься. Так он занимался своим батальоном, своим небольшим поместьем. Необходимо знать, о чем она думает, чего хочет, каково ее настроение, что доставляет ей радость, а что огорчает.

Согласно Уставу пехотного полка 1763 года, офицер его чина мог иметь в полковом обозе карету, две пароконные повозки, шесть вьючных лошадей и три верховых. Будучи человеком дисциплинированным, Аржанов в отличие от некоторых своих сослуживцев, превысил эту квоту незначительно. Жену с горничной он посадил в карету, семейный скарб погрузил на три повозки и десять вьючных лошадей, сам с камердинером и двумя денщиками сел на верховых скакунов. В таком виде его маленький караван выехал из Аржановки 18 апреля 1773 года. К Ширванскому полку, по-прежнему расквартированному в Черниговской губернии, они прибыли через семь дней. Это было весьма кстати. На середину мая уже был назначен смотр, который проводил командир 3-й дивизии генерал-поручик граф Каменский в первой своей бригаде, то есть в пехотных полках Ширванском и Кабардинском.

На маневрах Анастасия, как и другие жены офицеров, не присутствовала. Но парад, венчающий смотр и проходивший в уездном городе Мена, она видела. Зрелище просто поразило ее. Армия, как мощный механизм, явилась тут во всей красе и силе, в параде участвовали четыре шестиротных батальона и восемь полковых трехфунтовых пушек. Хотя погода была прохладная, оба полка маршировали уже в летней форме: в красных камзолах, белых полотняных штанах и черных штиблетах, застегивающихся на 12 пуговиц сбоку.

Анастасии показалось, что батальон ее мужа прошел перед командиром дивизии лучше других. Андрей Александрович гордо восседал на своем Орлике, сером в яблоках, очень красивом жеребце. За ним, печатая шаг, следовали фурыеры и подпрапорщики с ротными знаменами и значками. Далее, блистая медными налобниками своих высоких шапок, выступали, имея по шесть человек и каждом ряду, два гренадерских взвода. За ними шагали солдаты пяти мушкетерских рот

в простых черных треуголках. Завершали прохождение два других гренадерских взвода.

Еще более значительным событием для Анастасии явился бал, который офицеры первой бригады дали в честь своего командира дивизии и по случаю успешно закончившегося смотра. На этом балу Анастасию впервые представили графу Каменскому. Она очень волновалась. Но 35-летний генерал-поручик, украшенный орденами Св. Георгия 3-й и 4-й степени, так милостиво с ней обошелся, что на юную жену подполковника Аржанова поневоле обратили внимание все присутствующие: и мужчины, и женщины.

Этот первый выход в большой свет оставил у Анастасии противоречивые воспоминания. Бал был великолепным, и ей было на нем хорошо. Только Андрей Александрович хмурился и сердился, замечая взгляды офицеров, особенно – молодых, из Кабардинского полка, обращенные к Анастасии. В конце концов он запретил ей танцевать с ними. А полковые дамы, поначалу принявшие госпожу Аржанову весьма благосклонно, вдруг ополчились на ее прическу и раскритиковали цвет ее веера и перчаток как проявление невысокого, провинциального вкуса.

Вернувшись домой и раздеваясь с помощью Глафиры в спальне перед большим трюмо, Анастасия пристально разглядывала себя в зеркале. Что есть в ее внешности такого, вызывающего нескромный интерес у одних и чувство, близкое к ненависти, – у других? Разве она так хороша собой? Никто в доме тети не называл ее красавицей. Там вообще больше заботились о возвышенном, божественном, чем о плотском, низменном, житейском.

Глафира уже расчесывала барыне волосы и, наверное, угадала ее мысли.

– Зело расцвели вы теперь, Анастасия Петровна, – сказала она. – Прямо глаз отвести невозможно.

– Да полно чушь молоть! – Анастасия взяла из рук горничной изогнутый черепаховый гребень, собрала в пучок волосы и заколола его на затылке. – Господин подполковник мною недоволен...

Раздался короткий и громкий стук в дверь. Андрей Александрович, одетый уже в шлафрок, в мягких домашних туфлях, появился на пороге спальни. Горничная

взяла вещи из бального туалета Анастасии и выскользнула из комнаты. Аржанов зажег еще два шандала со свечами.

– Снимите рубашку! – сухо приказал он Анастасии, неподвижно стоявшей перед ним.

Она молча спустила с плеч широкие бретельки, и рубашка сама соскользнула к ее ногам. Аржанов высоко поднял шандал, разглядывая свою обнаженную жену так, будто видел ее впервые.

– Вы слышали, что сказал этот вертопрах?.. Ожившая Венера!.. Каково? Да я заколю его на дуэли, как кролика! Но это потом. Сейчас есть приказ о выходе моего батальона на «кампаменты» сроком на шесть недель. Так вот, вы поедете со мной!

– Хорошо, – тихо ответила Анастасия, не имея ни малейшего представления о том, что такое «кампаменты» и какая жизнь ждет ее там.

– Ложитесь – Андрей Александрович как будто успокоился, стал развязывать пояс на своем шлафроке, а потом погасил свечи...

Только хруст гальки под ногами караула, только отдаленные голоса часовых: «Слушай!», только шелест листьев в кронах деревьев над палаткой, только крики птиц в лесу – это обычная ночь на «кампаментах», или в летних военных лагерях. Растянувшись на походной кровати, Анастасия прислушивалась ко всем звукам, потому что не могла заснуть. Сегодня исполнилось шесть месяцев со дня их свадьбы. Отдыхая после бурных проявлений страсти, Аржанов провел рукой по ее животу и словно невзначай задал вопрос о том, хочет ли она иметь ребенка, и если хочет, то почему беременность не наступает?

Она знала, что рано или поздно он спросит ее об этом. Утром, молясь у иконы Божьей Матери, Анастасия просила ее об одной милости: дать возможность зачать ребенка и родить Андрею Александровичу здорового и крепкого наследника, сына, о котором он мечтал много лет. В отстраненном взгляде Пресвятой Девы Анастасии всегда чудилась надежда, и с этой надеждой она начинала каждый новый день.

Побудку в лагере второго батальона Ширванского пехотного полка играли рано – в пятом часу утра. Барабанщики, проходя по главной улице «кампамент», отсыпанной речной галькой, дружно били сигнал «Зоря». Услышав барабанный бой, часовые кричали: «К зоре!» Солдаты выбегали из палаток, надев камзолы, портупей с тесаками и фуражные шапки – колпаки из зеленого сукна с кистью на конце. Они строились на своих ротных улицах и потом шли на батальонный плац.

Это была очень большая площадка, также отсыпанная речной галькой и украшенная дерном. Здесь стояли две пушки, штабная палатка и часть обоза: казначейская фура и «ящики»[11 - Повозки на одной оси, с двумя колесами.] – казенный, канцелярский, аптечный, церковный и четыре патронных.

На плацу в присутствии офицеров и по сигналу барабана все строевые и нестроевые чины снимали головные уборы и слушали молитву «Отче наш». После молитвы они возвращались в свои палатки, умывались, причесывались, завтракали и готовились к выходу на учения, которые начинались в девять часов утра и продолжались до двенадцати часов дня.

Батальонный командир подполковник Аржанов жил в центре лагеря, за штабной палаткой. Дня него на этом месте выгородили целую усадьбу из парусиновых стен и навесов на кольях: кухню, туалет, коновязь, кладовые и жилые помещения. Таким образом, почти все лагерные эволюции происходили на глазах у Анастасии. На плацу она могла видеть ранним утром молитву и развод караулов, в первой половине дня – строевые учения, вечером – церемонию отдачи «пароля» и приказа, а в 9 часов – вечернюю «зорю» с молитвой, после которой весь лагерь, за исключением караульных, погружался в сон.

Ей так полюбились эти военные картины, что она решила сшить себе такой же камзол из красного полкового сукна, какой тут все носили, и вместо чепца с лентами надевать зеленую фуражную шапку, украшенную золотой кистью, как положено офицерам, в этом виде она меньше привлекала к себе досужие взоры. А может быть, ширванцы просто привыкли видеть госпожу подполковницу, сидящую возле плаца на раскладной скамейке, или гуляющую со своей болонкой неподалеку от стрельбища.

Как-то вечером шутки ради Анастасия взяла легкую офицерскую фузею своего мужа и показала изумленному Аржанову без единой ошибки все солдатские

«приемы» с ружьем, включая зарядание и прицеливание. Смеясь, он аплодировал ей. На следующий день подполковник позволил Анастасии на стрельбище по-настоящему зарядить пистолет с кремнево-ударным замком и выстрелить из него в цель. Конечно, пуля «ушла за молоком», так как длинный армейский пистолет был слишком тяжел для женской руки. Выстрел из фузеи, которую можно было упереть в плечо и держать двумя руками, получился гораздо лучше.

Андрей Александрович по-новому взглянул на жену.

– А фехтовать на шпагах вы не пробовали? – задумчиво спросил он.

– Не солдатское это дело! – отрезала Анастасия. – Я знаю только то, что вы учите с гренадерами и мушкетерами на плацу.

– Нет ничего проще. – Аржанов окинул взглядом гибкую, как лоза, фигуру Анастасии. – В фехтовании главное не сила, а ловкость и быстрота реакции. Хотя еще больше вам подошла бы верховая езда на мужском седле...

– Почему?

– Когда мы ходили походом в Польшу, то в сентябре 1769 года у города Люблин две наши роты внезапно окружили толпища конфедератов. Бой был неравный. Жену секунд-майора Артемьева только это и спасло от плена и бесчестья. Мы издали дали залп. Она, вырываясь от разбойников, бросилась к чужой оседланной лошади и ускакала. Сдается мне, что вы на ее месте тоже не растерялись бы...

– Конечно, нет! – Она схватила его за рукав. – А вы позволите мне такое?

– Сам буду учить, милая женушка! – Аржанов поцеловал ей руку. – Лишь бы вы здесь не скучали, лишь бы всегда были рядом, лишь бы думали обо мне...

В летней кампании 1773 года второй батальон Ширванского полка не участвовал. На «кампаментках» он принял пополнение, обучил его, привел в порядок вооружение, снаряжение и обмундирование. Затем, соединившись с первым батальоном, убыл в распоряжение генерал-поручика барона Унгерна,

корпусу которого поручено наблюдение за нижней частью Дуная от Прута до Днестра и Черного моря. Потому на зимние квартиры ширванцы остались в этом районе.

Первый батальон с полковым штабом стал в городе Сарата, у реки с тем же названием. Второй батальон ушел от него на 15 верст ниже, к озеру Сасык, в городок Татар-бунар. Аржановы поселились в доме на Базарной площади, просторно разместившись со всей прислугой на двух его этажах.

Зима здесь совершенно не походила на североукраинскую. Температура не опускалась ниже нуля. Снег выпал раза два или три и на следующий день растаял. Зато с Черного моря дули пронзительные ветры. Они приносили обильные дожди и густой туман по утрам.

Шесть месяцев пребывания в Татар-бунаре остались в памяти Анастасии как благостная семейная идиллия. Они с Аржановым уже хорошо знали друг друга. К тому же подполковник, не обремененный теперь делами в батальоне, все свое время посвящал молодой жене.

Андрей Александрович подарил Анастасии учебный эспадрон для фехтования. Он не ленился два раза в неделю проводить с ней эти уроки, причем сам увлекался занятиями больше, чем его ученица.

Все верховые лошади Аржанова оказались слишком норовистыми для такого начинающего всадника, каким была Анастасия. Тогда Аржанов купил в местном табуне маленькую и спокойную татарскую лошадку, с которой Анастасия быстро поладила. Они стали вместе ездить на охоту в степь, и так в собственность Анастасии перешел один из охотничьих штуцеров Аржанова – самый легкий и короткий, с орнаментальной резьбой на прикладе и цевье.

Примерно раз в две недели подполковник отправлялся в штаб полка, в город Сарата. Оттуда он привозил разные подарки. То это была пороховая натруска для штуцера, то серебряное колечко с сапфиром, то турецкие туфли на красных каблуках и с загнутыми вверх носами. Однажды он вручил Анастасии книгу, плотно завернутую в вощеную бумагу. Она очень обрадовалась, потому что книг у них было мало, и хотела развернуть подарок. Аржанов же с таинственным видом попросил отнести книгу в спальню и дожидаться вечера, чтобы читать ее вместе.

Книга называлась «Les Espiegleries de Veneres»[12 - Шалости Венеры (фр.)]. Она была издана в Париже в 1768 году. Никогда не думала Анастасия, что в мире могут существовать подобного рода произведения. От одних картинок в книге ей стало не по себе. Но анонимный автор, подробно и красочно описывая их, утверждал, что это есть не блуд и непотребство, а приемы высокой страсти, которая должна украшать жизнь человека, ибо он создан Богом для любви.

Чувствуя, что щеки ее начинают гореть от непонятого возбуждения, Анастасия поспешно вернула книгу Аржанову:

– Это – не мой подарок.

– Почему? – Он, лежа рядом с ней, подпирал голову рукою и пристально наблюдал за ее реакцией.

– Я не хочу это читать. Тем более – вслух.

– Но вы же знаете французский лучше меня.

– Дело не в том.

– А в чем? – Андрей Александрович взял книгу у Анастасии, не спеша перелистал ее от первой до последней страницы и затем продолжал: – По-моему, дело в том, что вы отдаетесь мне по необходимости и безо всякой радости. Может быть, эта книга научит вас больше доверять мужчине, и тогда, Бог даст, вы забеременеете...

– Я и так доверяю вам.

– Неужели?

Он положил книгу под подушку, повернулся к ней и вдруг сдернул с нее одеяло. Анастасия в тот вечер легла спать в белой батистовой сорочке, богато отделанной кружевами на подоле, коротких рукавах и на груди. Тонкий шелковый шнурок стягивал горловину сорочки, и она хотела распустить его. Но Аржанов не дал ей сделать этого. Он завернул подол ночной одежды жены вверх,

обнажив живот и бедра, а потом грубо раздвинул коленом ее ноги. Его жесткая ладонь легла на куст каштановых волос внизу живота и скользнула дальше, в теплое женское лоно.

Анастасия давно привыкла к тому, что подполковник Аржанов в постели действует, как на полевых учениях своего батальона: весьма поспешно, энергично и напористо, не давая предполагаемому противнику опомниться. Ведь он считал, что любая женщина в отличие от него самого всегда готова к совершению полового акта и дело за малым – в подходящий для него момент принудить ее к этому.

Она чувствовала, как сильно он сейчас возбужден. Она даже слегка изогнулась, чтобы супруг быстрее достиг нужной точки и ни капли его раскаленного семени не пропало бы зря. Пока он совершал эти сильные и глубокие толчки, Анастасия закрывала глаза. Внезапно перед ее мысленным взором возникла одна из волнующих картинок этой необычной книги, и она захотела, чтобы он поступил с ней точно так же.

Шнурок не поддавался. Она просто разорвала кружева на груди, желая освободить соски, что горели, как в огне, и медленно твердели от охватывающего ее возбуждения. Аржанов посмотрел на Анастасию, не понимая, чего она хочет. Обеими руками она обхватила его голову и прижала к себе. Он почти уткнулся губами в ее левый сосок. Она простонала:

– Ну сделайте же это!..

Осторожно он втянул в рот маленький темно-розовый, похожий на вишенку кусочек плоти, облизнул языком и потом слегка сдавил зубами. Как будто горячая волна накрыла Анастасию после этого. Не в силах противиться совершенно животному чувству, она подалась вперед и свела над спиной мужа скрещенные ноги, впервые ощущая себя и его единым целым.

Стыда больше не было. В течение той ночи Анастасия еще дважды обращалась к Андрею Александровичу, прося его о супружеской ласке. Он отвечал охотно. Жадно целуя ей груди и сжимая пальцами соски, подполковник Аржанов постепенно доводил молодую жену до иступления и вкушал неземное блаженство под ее дикие крики и стоны. Теперь он удивлялся сам себе: и почему доселе Анастасия казалась ему женщиной холодной и абсолютно

бесчувственной?

Может быть, это простейшее пособие по технике секса, изданное в Париже, действительно помогло бы им, но через три дня пришел приказ о походе. Ширванский пехотный полк возвращали в 3-ю дивизию графа Каменского. А дивизии было предписано идти за границу, через Бессарабию и Валахию к болгарским городам Силистрия, Руссук и Шумла.

Такой поход на сотни верст, в чужой стороне – не домашний выезд на «кампаменты». Занятый множеством неотложных дел в своем батальоне, Аржанов уходил из дома рано утром и возвращался поздно вечером, совершенно без сил. Все, что требовалось от него, он, однако, выполнил точно и в срок и получил благоволение от командира полка полковника Бурнашова.

В начале мая 1774 года Ширванский пехотный полк вместе с другими частями 3-й дивизии успешно переправился через Дунай у крепости Измаил, имел трехдневный отдых в городе Тульча и пошел дальше – по дороге, пролегавшей среди тучных причерноморских полей Валахии. Первое столкновение с неприятелем произошло 2 июня у селения Базарджик. Каменский взял его с ходу, выбив оттуда пятитысячный отряд янычар.

Анастасия очень хотела увидеть настоящий бой, но здесь ей это не удалось. Каменский оставил обозы далеко от Базарджика. До них доносились лишь канонада и приглушенные крики «Ура!», с которыми русская пехота бросалась на насыпные турецкие редуты. В Базарджике дивизия стояла два дня, потом выступила в поход снова. У деревни Юшенлы 9 июня к ней присоединилась дивизия генерал-поручика Суворова. Это произошло ранним утром. Так как Суворов прошел двадцать верст за ночь, чтобы успеть к Каменскому, то генералы решили дать войскам отдых. Полковые обозные повозки составили в караван, разбили лагерь с палатками и кострами и начали готовить кашу.

Генералы даже не подозревали, как близко от них находится неприятель, за густым Делиорманским лесом в это время двигался сорокатысячный корпус турецкой пехоты и конницы под командованием рейс-эфенди Абдул-Резака. Он шел от Шумлы к Гирсово и тоже ничего не знал о сосредоточении русских в шести верстах от города Козлуджи.

Вдруг передовые казачьи разъезды донесли о появлении отряда турок у края леса, на дороге. Увидев русских, отряд стал отходить в лес. Казаки бросились следом. Но в лесу им пришлось худо. Лесная дорога сужалась, развернуться в лаву для атаки они не смогли. К тому же албанские стрелки, прятаясь за деревьями, открыли по ним прицельный огонь. Донцы повернули назад. За ними устремилась колонна спаги – турецкой феодальной конницы.

Тем временем русские генералы спешно строили боевые порядки у края леса, по обеим сторонам дороги. Первыми подошли суворовские солдаты: два егерских батальона майора барона Ферзена и майора Рекка, гренадерский батальон майора Трейдана. Вскоре к ним присоединился гренадерский батальон подполковника Мэкноба из дивизии графа Каменского.

Все это происходило ввиду лагеря, примерно в версте от него.

Солдаты выполняли приказы офицеров очень быстро и охотно. Ветерок доносил до них запах готовящейся еды. Кроме того, в лагере остались их ранцы и артельные повозки с имуществом, которые сейчас нужно было защитить от турецкого разграбления.

Буквально за пятнадцать минут на желтом поле несжатой ржи выросли живые бастионы – каре, образованные плотными шеренгами егерей в зеленых камзолах и гренадер – в красных. В лучах полуденного солнца их штыки грозно сверкали. Орудия на углах каре сделали первые выстрелы, изрыгнув длинные языки пламени.

К ним от леса катилась многоцветная волна турецкой пехоты. Османы кричали: «Аллах акбар!». Их было больше, чем наших. Но меткие выстрелы артиллерии вырывали из толпы целые ряды. Русская картечь визжала и свистела над головами воинов ислама, и они поневоле замедляли свой бег.

Анастасия с помощью камердинера мужа Никиты взобралась на крышу кареты и оттуда наблюдала за битвой. Сердце у нее сильно билось от волнения. Она не понимала, почему солдаты не стреляют. Ей казалось, что еще мгновение, и русские каре рухнут под напором дикой вражеской стихии. Однако, подпустив турок на сорок шагов, егеря и гренадеры ударили по ним дружным залпом. Фасы каре сверкнули огнем и окутались дымом. Круглые свинцовые пули уложили на поле тех, кто бежал впереди. Остальные, наткнувшись на щетину штыков,

не выдержали прямого соприкосновения и повернули назад. «Ура!» – гаркнули им вслед русские, и бегство янычар сделалось паническим.

– Господи! – перекрестился Никита. – Прости их бусурманские души. Теперь уж победа наша. Смотрите, матушка-барыня, вон генерал скачет на белом коне...

Генерал-поручик Суворов повел войска к лесу. Солдаты шли, не нарушая строя, взяв ружья на плечо. Артиллеристы катили орудия, в равномерном и медленном движении этих зеленых и красных живых квадратов было что-то магическое. Они уходили все дальше к темному лесу, а на желтом поле оставались неподвижные пятна – убитые и раненые.

Но бой продолжался. Гром ружейных залпов рвал воздух где-то за лесом. Вскоре там заговорили и пушки. Черный дым поднимался над верхушками деревьев и постепенно заволакивал горизонт. В боевых порядках 3-й дивизии, сражавшейся там с турками, находились оба батальона Ширванского полка.

Мимо кареты проехала выкрашенная в голубой цвет аптекарская фура, за ней – две лазаретные телеги. На фуре рядом с кучером сидел Калуцкий, полковой лекарь ширванцев.

– Куда вы, Сергей Васильевич? – окликнула его Анастасия.

– Да за нашими же. Они пошли к Козлуджи.

– Я с вами! – вдруг решила она, все еще переживая увиденное на поле.

Калуцкий не имел права брать женщину на поле боя да и не взял бы, будь на месте Анастасии любая другая полковая дама. Однако с подполковником Аржановым его связывала давняя дружба, Полковой лекарь был одним из тех немногих сослуживцев командира второго батальона, которые бывали у него в доме. Когда Андрей Александрович женился в третий раз, Калуцкий, познакомившись с его юной избранницей, одобрил этот выбор.

Еще на «кампаментях» летом 1773 года Анастасия, томясь бездельем, спросила его, может ли она быть полезной в полковом лазарете, если ширванцы пойдут в боевой поход, станут участвовать в военных действиях. Калуцкий

ответил положительно. С разрешения Аржанова он стал вводить ее в курс дела, показывая, как надо делать перевязки, накладывать шины при переломах, готовить лекарства. Он даже подарил ей несколько медицинских книг. Иногда по вечерам, сидя за бутылочкой вина, старые друзья развлекались тем, что слушали ответы госпожи подполковницы на специальные вопросы полкового лекаря. Аржанов шутил при этом, что отныне будет совершенно спокоен в бою: ведь у него появился собственный врач.

Потому Калуцкий, остановив фуру, терпеливо ждал, пока Анастасия соберется, и давал ей разные полезные советы. Так, в корзину она прежде всего положила большие салфетки из кисеи – для перевязки раненых – и стеклянную, обшитую толстой кожей флягу со спиртом, потом – бутылку вина, две кружки, полкаравая хлеба. Домашнюю кофту она сменила на красный полковой камзол, чепец с лентами – на фуражную шапку с золотой кистью, а на юбку повязала длинный белый фартук.

Полковой лекарь помог Анастасии взобраться на фуру и усадил ее между собой и кучером на широкой деревянной крышке переднего ящика. Кучер взмахнул кнутом. Лошади сразу пошли рысью. Поле боя осталось слева. Впереди синел Делиорманский лес. Там еще слышались выстрелы, крики, ржание коней.

Через час дорога привела их в лощину, где теперь разворачивалось, так сказать, второе действие сражения при Козлуджи. В это время бой прекратился. Турки ушли на господствующую над местностью высоту. Суворов решил дать войскам отдых. Пользуясь этим, аптечная фура беспрепятственно подъехала к двум батальонным каре Ширванского полка, которые легко было отличить от шести других по цвету знамен, развевавшихся над строем. У ширванцев они были с красными углами и широкими белыми и зелеными полосами.

Аржанов, увидев свою жену на аптекарской фуре, дал шпоры Орлику и подскакал к ним. Лицо его было серым от пыли, у Орлика на боках темнела засохшая пена. Бой шел четвертый час, устали все: и люди, и лошади. Анастасия налила подполковнику полкружки вина из бутылки. Он пил его медленно, смакуя каждый глоток. Потом они немного поговорили.

– Что вы собираетесь делать здесь? – спросил Аржанов.

– Помогать раненым! – ответила она. – А еще хочу видеть вас и знать, что все в полном порядке.

– От души благодарю, любезная Анастасия Петровна! – Он поклонился ей и сказал Калуцкому: – Заезжайте на середину каре. Все раненые здесь, и они ждут вашей помощи...

По команде Аржанова солдаты левого фаса каре сначала разомкнули шеренги, а пропустив фуру и две телеги вовнутрь, сомкнули их. Анастасия прыгнула на землю. Вместе с Калуцким она стала перевязывать раненых, раздавать им хлеб, поить вином из бочонка, привезенного на лазаретной телеге. Появление молодой женщины приободрило несчастных. Все они хотели, чтобы помощь им оказала непременно госпожа подполковница, а вовсе не Калуцкий и его санитары.

Грохот барабанов возвестил о возобновлении боевых действий. Два каре ширванцев, ведя залповый огонь, пошли вперед. Вместе с ними передвигались пушки, а также те, кто находился в центре этой своеобразной крепости. Анастасия поторопилась взобраться на фуру и сесть рядом с кучером. Но любопытство взяло свое. Поднявшись во весь рост, она смогла увидеть из-за солдатских спин и голов в черных треуголках почти все пространство лощины, занятое войсками.

Атаку пехоты Суворов решил подкрепить выступлением регулярной кавалерии. Проскакав в интервалы между каре, на поле вырвались эскадроны карабинеров из Московского и Тверского полков. Как ни странно, особого эффекта это не произвело. Сильно пересеченная местность помешала конникам.

Зато в ответ из леса внезапно выступил отряд спаги человек в двести и помчался к ближайшему каре русских, а это был второй батальон Ширванского полка. Пехота успела сделать только один залп и смело приняла на штыки очумелых всадников, дико визжавших и вопивших. В этот волнующий миг Анастасия уже стояла во второй шеренге и заряжала фузею, доставшуюся ей от раненого...

Сражение завершилось под вечер. Турки бежали по двум дорогам: на север – к Шумле и на северо-запад – к Праводам. Они бросили 29 орудий, 107 знамен, обоз с военным имуществом из 360 повозок и большой лагерь, разбитый

недалеко от города Козлуджи.

Вся русская конница вместе с двумя пехотными полками, Суздальским и Севским, под командованием бригадира Мачубела и двумя гренадерскими батальонами отправилась преследовать противника. Остальные части нашей армии пошли к вражескому лагерю. Закатное солнце осветило финал грандиозного военного спектакля: захват и раздел добычи.

Турецкий лагерь, однако, не был пустым. В нем находилось около трехсот янычар, не успевших уйти со своими. Они составили повозки в караван вокруг шатра бежавшего главнокомандующего рейс-эфенди Абдул-Резака и готовились дорого продать свою жизнь, потому что оружия и боеприпасов у них было много.

По воле судьбы раньше всех и ближе всех к шатру подошел батальон подполковника Аржанова. Андрей Александрович, увидев три бунчука с конскими хвостами, догадался, что здесь есть самые главные трофеи. Не оружие, не лошади, не вещи, а сундуки с золотой казной многотысячного корпуса. Но турки вели беглый огонь и не давали никому приблизиться. Тогда Аржанов задумал боевую операцию.

Часть его батальона должна была производить демонстрацию: стрелять, кричать, беспорядочно двигаться – в общем, выманить у турок залп. Потом в течение минуты, пока они перезаряжают ружья, его любимая гренадерская рота должна была добежать до повозок и вступить с османами в рукопашный бой.

В начале восьмого часа вечера 9 июня 1774 года по сигнальному выстрелу из пистолета четыре мушкетерские роты открыли беспорядочную стрельбу из ружей, закричали: «Ура! Руби! Коли!» Сто десять гренадеров, переждав ответный залп неприятеля, бросились сломя голову вперед. Их вел, держа шпагу в руке, сам доблестный подполковник Аржанов. Они легко опрокинули одну повозку и пробились к шатру рейс-эфенди.

Прямо у сундуков на Аржанова напал янычар. Но старший сержант гренадерской роты Новиков успел выбить у него из рук ятаган. Турок не отступил. Спокойно он достал из-за широкого пояса маленький пистолет и разрядил его в подполковника. Это было последнее деяние воина ислама. Старший сержант заколол его штыком, подхватил покачнувшегося Аржанова и крикнул:

– Ребята, ко мне! Командир ранен!..

Когда Анастасия увидела своего супруга, он был еще жив. Гренадеры несли его на двух ружьях. На одном он сидел, на другое опирался спиной, кровь на форменном камзоле казалась неправдоподобно яркой. С каждым вздохом из груди Аржанова вырывался хрип. Опустив корзинку на землю, Анастасия кинулась к мужу. Он обнял ее слабеющей рукой.

– Золотая казна наша! – прохрипел он. – Восемь сундуков... Я поставил там караул... Скажи Бурнашову. Он обещал мне Георгия 4-го класса, если я возьму шатер...

Весть о тяжелом ранении штаб-офицера быстро распространилась в Ширванском полку. В сопровождении адъютанта прискакал командир полка Бурнашов. Аржанов уже лежал на носилках. Калуцкий вместе с Анастасией перевязывал его. Пуля прошла навылет, ниже сердца, но легкие были сильно повреждены и два ребра пробито. Чтобы ослабить боль, подполковнику дали водки, затем – отвар из корней валерианы, и Аржанов смог сам все рассказать Бурнашову.

Командир полка отозвал в сторону Калуцкого;

– Что скажете, Сергей Васильевич?

– Он умрет, – мрачно ответил полковой лекарь. – Сейчас ему лучше. Но через час-два наступит агония...

Позвали полкового священника. Он приобщил раненого святыми тайнами. Аржанов продиктовал свой рапорт о схватке за золотую казну и завещание, тут же заверенное тремя свидетелями, все движимое и недвижимое имущество, ему принадлежавшее, он отказал своей благоверной супруге Анастасии дочери Петровой.

Полковой лекарь ошибся. Аржанов жил еще семь часов. Всю ночь Анастасия провела с ним. Она поила его водой, меняла повязки на ране и слушала, что он говорит. По большей части подполковник бредил. Он все еще находился на поле боя, видел атаки турок, командовал солдатами. Перед рассветом Андрей Александрович пришел в сознание. Он сжал своими горячими ладонями руку

Анастасии и совершенно спокойно сказал:

– После моей смерти держите траур год. Поезжайте в Аржановку, там вы найдете преданных людей. Они скрасят ваше одиночество. Потом отправляйтесь искать новое счастье. Вижу ваш трудный, извилистый путь. Но ничего не бойтесь. Вы красивы, умны, предприимчивы. Знайте, что удача вам еще улыбнется... Да хранит вас Господь!

С этими словами он трижды перекрестил Анастасию, прижал ее ладонь к своей впалой, заросшей щетиной щеке, вздохнул и с кроткой улыбкой на устах отошел в мир иной.

Глава пятая

Камни со дна моря

Больше всего жалела Анастасия о том, что Аржанов при жизни ни разу не заказывал своего портрета художнику. В Аржановке она сохранила нетронутым его кабинет: шкаф с книгами, письменный стол, коллекцию оружия на стене, гардероб, заполненный форменными офицерскими вещами. На конюшне находились его верховые лошади. На псарне жили его любимые охотничьи собаки. Но прошел год, и ей стало казаться, что лицо Андрея Александровича изглаживается из ее памяти. Когда во сне Анастасия видела фигуру Аржанова и узнавала ее, то лицо покойного супруга оставалось каким-то нечетким, расплываясь в белое пятно.

Вот и сейчас, размышляя о своем утреннем сновидении, Анастасия сидела на кровати и вспоминала, улыбался ли ей подполковник или, наоборот, хмурился. А что означала его загадочная фраза? Предостережение это было или упрек за ее легкомысленное поведение здесь? Конечно, Аржанов не одобрил бы этих ее поступков, будь он жив. Но если бы он остался жить, то Анастасия никогда бы сюда не приехала...

Глафира уже стучалась в двери спальни с известием о том, что самовар закипел и завтрак на столе. Анастасия одевалась не спеша. Она сегодня не собиралась

выезжать из дома. Ей хотелось отдохнуть, никого не видеть, ни о чем не думать и вообще – «почистить перышки». Под этим она понимала полное расслабление. Всесторонняя ревизия предметов одежды и запасов косметики, гигиенические процедуры вроде стрижки ногтей, маникюра, мытья головы и завивки волос, а также очистка кожи лица, шеи, плеч, груди до декольте, питательные или стягивающие маски в зависимости от времени года, собственного состояния и настроения.

Теперь она отдавала себе отчет в том, что имеет весьма выигрышную внешность. Ряд житейских ситуаций убедил Анастасию, что это есть ее сильнейшее оружие. Об оружии надо заботиться, тогда в критический момент оно не подведет. Так любил повторять Аржанов, и она сохранила тот образ жизни, которому научил ее покойный супруг, а в сущности, он был очень простым. Анастасия рано ложилась и рано вставала, совершала каждый день длительные пешие или верховые прогулки, держала диету и никогда не ела после семи часов вечера, обливалась холодной водой и даже не бросала занятий фехтованием, а ее партнером теперь выступал камердинер Аржанова Никита, в молодые годы служивший в драгунах.

«Чистку перышек» Анастасии помогала проводить Глафира. Это был ее любимый день. Она выросла в семье деревенской знахарки, ее бабушки по матери, и знала много рецептов травяных настоев и мазей, освежающих кожу. С утра Анастасия закрывалась со своей горничной в спальне, куда приносили полотенца, кувшины с горячей и холодной водой, тазы, склянки и коробочки с косметическими снадобьями. Их Глафира готовила заранее и затем заботливо колдовала над лицом и телом своей доброй хозяйки.

Самым простым и проверенным способом очистки кожи у нее была смесь из спитого кофе, разведенная молоком до густоты сметаны. Глафира наносила ее тонким слоем и оставляла только на пять минут, быстро смывая потом теплой водой. Питательную маску по старинному бабушкиному рецепту: желтки, растертые с медом и несколькими каплями оливкового масла, – она сделала сегодня утром, пока барыня спала.

Маску надо было держать двадцать минут на лице. Горничная только закончила ее намазывать, как в спальню просунулась голова Досифея, ее мужа.

У Анастасии Досифей служил, как мастер на все руки: и привратник, и сторож, и истопник, и кучер. Узрев барыню в столь необычном виде – с лицом, покрытым ярко-желтой мазью, – он испугался, захлопнул дверь и стал из коридора

объяснять, что к госпоже Аржановой пришли.

– Гони в шею! – крикнула ему Анастасия.

– Я гнал, да никак они не уходят.

– Кто они?

– Татары!

– Этого еще не хватало... – Анастасия задумалась, бросила взгляд в зеркало: зрелище было не для слабонервных, но смывать маску раньше времени ей не хотелось.

– Спроси, чего хотят, – приказала она слуге.

– Лично в руки вам отдать какую-то вещь. Мне не доверяют...

– Ишь, басурманы... – покачала головой Глафира. – Совсем они тут обнаглели.

– Пусть ждут, – вынесла решение Анастасия. – Пропусти их во двор.

– Они, ваше высокоблагородие, уже во дворе, – признался Досифей, сжимая в кулаке серебряный рубль, полученный от пришельцев в качестве аванса. – За забор поводья лошадей привязали и на крыльцо сели. На корточки. По-своему разговаривают...

От восточных людей просто так не отделаешься. Они упрямы и назойливы, и нужны суровые меры, чтобы удерживать их в рамках европейских приличий. Это Анастасия поняла, когда, приехав на примерку своего платья в мастерскую Александра Попандопулоса, встретила там с его дядей-купцом, «софелшенно случайно», как уверял тот. О многом говорила и дерзкая выходка Али-Мехмет-мурзы в «турецком кабинете» у Потемкина. Ослепленный похотью, он ломился, как бык, пока не получил должного отпора.

Впрочем, у этих людей была и другая особенность – безграничное терпение. Битых два часа сидели на крыльце посланцы Али-Мехмет-мурзы, ожидая, пока

госпожа Аржанова их примет, и не проявляли ни малейшего беспокойства. Наконец она вышла в гостиную, и Досифей впустил в дом трех татар в цветных чалмах, длинных халатах, подпоясанных шелковыми поясами. Кривые турецкие сабли висели у них на боку, из чего Анастасия заключила, что это охранники из отряда, сопровождавшего крымских послов.

Строго следуя восточному этикету, то есть с бесчисленными поклонами и длинными комплиментами, они передали Анастасии маленькую коробочку из сандалового дерева. Это был дар Али-Мехмет-мурзы. Он преподносил его в извинение беспокойств и огорчений, причиненных ей вчера. Анастасия хотела положить коробочку на стол и попрощаться с татарами. Но старший из них, неплохо говоривший по-русски, сказал, что их господин ждет немедленного ответа.

Анастасия открыла коробочку. Сверху в ней лежала записка, написанная по-русски без единой ошибки: «О, сладчайшая! Прими эти древние камни со дна Черного моря в залог нашей будущей встречи. Преданный тебе А. М.». Под запиской лежали две вещицы размером примерно с ее ладонь, овальной формы, действительно сделанные из камня и обрамленные золотыми ободками.

Первая, из агата, имела в центре выпуклый профиль женщины в древнегреческом шлеме. Волосы из-под шлема рассыпались у нее по плечам. Еще была видна часть копья, которое богиня Афина-воительница сжимала в руке. Вторая была побольше, из сарда на крупнозернистом кварце. На ней была изображена в той же технике сцена борьбы Геракла со львом. Красота и тонкость работы завораживали. Казалось, что каменные изделия живут и дышат. На теле Геракла, сжимавшего голову льва, были видны все мускулы. Шлем Афины украшали мельчайшие фигурки скачущих лошадей.

Анастасия прежде не видела ничего подобного, но догадалась, что перед ней – какие-то необычные, уникальные предметы. Однако их цена была ей неведома. Точно также не знала она, что ответить ханскому послу, да и нужно ли отвечать или лучше для нее будет вернуть ему этот странный подарок.

Вопросительно смотрела она на посланцев Али-Мехмет-мурзы, а те – на Анастасию. Они поняли, что подарок произвел впечатление на русскую женщину и, похоже, она готова его принять. В отношении же дальнейшего они имели четкие инструкции.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Это очень красивая молодая женщина. Очень красивая... (фр.)

2

– Что это вы задумали?

– Новое платье для вас.

– Я не хочу...

– Но это мой подарок (фр.).

3

– Вы знаете этого человека?

– Он сделал мне неприличное предложение... (фр.)

4

Современная Евпатория.

5

Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, донесения. СПб., 1888, ч. II. с. 752–753.

6

Чуть более 20 метров.

7

Примерно 30 метров.

8

– Это действительно так?! (фр.).

9

– Да, конечно, мой друг (фр.).

10

Спасибо! (тюрк.-тат.)

11

Повозки на одной оси, с двумя колесами.

12

Шалости Венеры (фр.).

Купить: https://tellnovel.com/begunova_alla/kamei-dlya-imperatricy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)